

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА!
ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ **ВЛАДИМИР ПУТИН** О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

«Для России 9 мая – самый великий и святой праздник. Мы гордимся поколением победителей, чтим их подвиг. И наша память – не только дань огромного уважения героическому прошлому, оно служит нашему будущему, вдохновляет нас, укрепляет наше единство. Мы обязаны защищать правду о Победе, иначе, что скажем нашим детям, если ложь, как зараза будет расползаться по всему миру? Наглому вранью, попыткам переиначить историю мы должны противопоставить факты.»

(из послания федеральному собранию 15 января 2020 года)

«Духовное, нравственное значение Дня Победы останется неизменно великим, а наше отношение к нему – священным. Это наша память и гордость, история нашей страны, история каждой семьи, часть нашей души, которую передали нам отцы и матери, бабушки и дедушки. Сегодня мы остро чувствуем все величие их судеб, вспоминаем тех, кого уже нет с нами, с любовью вглядываемся в их лица на фотографиях разных лет. Желаем долгих лет жизни нашим ветеранам, преклоняемся перед великим поколением победителей. Они сделали для Родины столько, что это никак не измерить, ничем не оплатить.»

(из обращения к гражданам страны 9 мая 2020 года)

*Средь голода, разрухи и смертей
Вам вытала особая дорога:
Война вас не считала за детей,
А Родина с вас спрашивала строго.*

Проект «**Всё для фронта, Всё для Победы**» это работа по формированию патриотического отношения молодежи к истории страны и своего города. Проект реализуется на территории Ленинского внутригородского района г.о. Самары при поддержке Администрации района. В работе по его реализации принимают участие: студенты ВУЗов, преподаватели и учащиеся школ, расположенных на территории Ленинского района, сотрудники и воспитанники «Центра дополнительного образования», сотрудники музея Истории профтехобразования области и отдельные интузиасты. Круг участников проекта постоянно расширяется с привлечением к работе в нем музеев, творческих коллективов и НКО города, краеведов.

Проект предполагает осуществление деятельности по вовлечению молодежи в изучение жизни, ныне здравствующих тружеников тыла г. Куйбышева (Самары), очевидцев и участников трудных побед на фронте и в тылу.

При реализации проекта решаются проблемы преемственности исторических знаний внутри семьи, недостаточность, а зачастую и недостоверность знаний о реальной жизни тружеников тыла, в том числе несовершеннолетних жителей города в период ВОВ и послевоенного восстановления. Проект призван способствовать развитию городского патриотизма, духовному развитию личности, содействовать патриотическому воспитанию граждан РФ, работа в нем направит молодежь к социальной активности, поддержит в ней стремление делиться своим временем и силами с нуждающимися.

Целью проекта является Воспитание у молодежи гордости к истории нашего города, преданности к Родине, готовность встать на защиту Отечества, сострадания к ветеранам ВОВ и труда.

В процессе реализации, молодежь вовлекалась в непосредственное, живое общение с ветеранами, получила уроки гражданственности и нравственности. Юными участниками проекта был приобретен опыт социальной работы. По результатам встреч учащиеся в своих сочинениях поделились воспоминаниями о своих родственниках - участниках исторических событий. Некоторые из них вы найдете на последних страницах этого издания.

Руководитель проекта,
председатель Совета ТОС №5 «Струковский»
Курапова Н.И.

Города рождаются по-разному и для разных целей. Одни города веками поддерживает своими природными ресурсами густонаселенные центры, развивают ремесла и торговлю. Другие своей географией, геологией, да и самой историей обречены стать индустриальными центрами или центрами культуры. А бывает, как в случае с нашим городом – основанная для расширения торговли и охраны спокойствия средневековой Руси, Самара долго обретала свое истинное предназначение, долго ждала своего часа. Жаль, что это время совпало с Великой войной, с годами невиданных испытаний.

Вы открыли сборник воспоминаний о Великой Отечественной войне пережитой и выигранной нашим народом и страной. В этой фразе слово «народ» стоит на первом месте. Так и должно быть. Освободительные войны выигрывают люди, защищающие не строй, но свою семью, свой дом. Только это помогает преодолеть все невзгоды, выстоять, и, сконцентрировав все духовные и физические силы победить захватчика.

Перечитайте строки, записанные со слов тех, кого война застала, отложив в сторону учебники, встать к заводским станкам, у кого это трудное время превратило детство в годы не прошенных испытаний, а последующую, лучшую половину своей сознательной жизни они истратили на восстановление разрушенного врагом. Эта книжка поможет читателю восполнить недостаточность, а порою недостоверность знаний о реальной жизни в нашем городе во время войны. Она предаст импульс дальнейшей заинтересованности в изучении истории города, начиная с собственной семьи и дома, расшифрует многогранность и беспо-

щадность, ставших обиходными и лукаво нестрашными простых слов – «голод», «боль», обнажит их подлинный смысл.

Примерьте на себя переданный здесь опыт чужой жизни, сделайте частью откровенного разговора в собственной семье, в широком смысле этого слова. Попробуйте. Всем нам только кажется, что родились мы в рядовой, ничем не примечательной семье с обычными родителями. Мы склонны недооценивать значение и роль собственного рода в событиях и вехах, мы скромно разделяем эпохальность пути народа страны и странички семейных историй. Оставьте привычку скупко отвечать на вопросы детей о родственниках и их прошлом. Нам, старшему поколению, не стоит отделяться от их расспросов стереотипными ответами. Фразы типа «да, по-моему, дед в чем-то участвовал», или «прабабка училась с ... и видела это» должны исчезнуть из нашей речи. Совсем уж плох ответ уровня «Вот подрастешь, тогда об этом и поговорим». Дети подрастут, и на их вопросы ответят другие, с другой установкой на их воспитание и будущее. Поверьте, каждый в состоянии научиться пользоваться архивами, или вести поиск в социальных сетях, и других открытых источниках. Вы найдете там равнодушных сподвижников и соратников. Вам помогут, подскажут верные, проверенные алгоритмы поиска. Поверьте, результаты превысят ожидания. Вам будет, что рассказать. Наша занятость или нежелание не должна становиться между памятью рода и нашими детьми, иначе вырастут они безродными – не знающими о предках своих. И передадут это незнание дальше. И наши правнуки, уже никогда о нас не спросят.

САДЧИКОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ

Садчиков Иван Андреевич родился в 1926 г. В 1941 г. был призван на фронт в возрасте 17 лет. Служил в зенитной артиллерии. В 1943 г. был демобилизован. Затем учился в вечернем техникуме авиационного завода. Более 50 лет проработал на заводе «Авиакор». Награжден Орденом Отечественной войны II степени, Медалью «За победу».

Я куйбышевец, а не самарчанин, никак не привыкну к этому старому – новому названию – «Самара», да и не люблю, наверное. Считаю, что родился в Куйбышеве и дети мои в нем родились. До войны я успел окончить среднюю школу (7 классов) села Петровка, Петровского района Куйбышевской области. Был такой до 1960 г. Трудился подсобником, куда пошлют. Про начало войны узнал по отчаянно долговому набату колокола, что на сельской «пожарке» висел. Митинг был. Районное начальство выступало, колхозники. Началась жизнь допризывника. Работа в колхозе продолжалась, и прибавились к ней занятия по строевой подготовке, не часто правда. С деревянными ружьями по селу ходили в противогазах и без, да и их не хватало. Стали приходиться с фронтов похоронки, плакали женщины, а мы с деревяшками маршировали, но из села ни-ни, кормить армию надо было.

10 октября исполнилось мне 18, а через две недели, уже призванного в армию, привезли в Куйбышев, где распределили. Школа № 20, где нас разместили, и сейчас стоит, недалеко от ДК «Современник», но его тогда не было, и трамваев не было. Теперь мы маршировали с настоящим оружием, изучали его материальную часть. Выдали ботинки с обмотками и теплые женские брюки. Почему женские? Не помню, помню, что теплые были. Водили нас пешком и с песнями на 11-ю батарею, что размещалась на взгорке у Оврага подпольщиков, там сейчас больница им. Ерошевского. Изучали зенитные орудия и их обслуживание. Вечером - назад в школу. Так до самой присяги. После нее был распределен на 18 батарею 85 милли-

метровых зениток. Располагалась она позади фабрики – кухни завода имени А.Масленникова. Три барака, обнесенных колючей проволокой. Мы жили в землянках рядом с орудиями, спали парами, так теплее. Одна шинель на нары, другой укрываемся. Портянки под себя – все суше будут. Голодали. Весь город голодал. Учитель у нас был одноногий, немецкий язык преподавал. Оказался немецким шпионом. Вызывали нас в соответствующие органы на очную ставку с ним. Нас отпустили, его оставили.

Мы заменили тех, кого направили к Сталинграду и на Курскую дугу. Это потом выяснилось, на сороковую годовщину Победы, на встрече с ветеранами. На всю батарею - 12 пацанов, остальные, как вы догадались, женщины. С нами прожекторный полк стоял. Сбивать немецких летчиков не пришлось, не повезло. В случае воздушной тревоги мы ставили заградительный огонь, освещали небо прожекторами и редкими взрывами зенитных снарядов. В такое небо немцы не залетали. В расчете зенитного орудия семь номеров вместе с командиром, я пятым номером был. Специальным ключом устанавливал трубку. Это часы такие, пороховые, они позволяют регулировать высоту, на которой снаряд взорвется. Вы боевой расчет у ПУАЗО представляете? Тут я поподробнее расскажу, а то думают, что всю сложную технику после войны придумали. ПУАЗО окружен вниманием со всех сторон. С одной стороны прибора находятся два человека – наводчик по азимуту и установщик высоты. Наводчик смотрит в окуляр визира и вращает маховик наведения по азимуту. Он все время удерживает цель на вертикаль-

НП № 1245331
 Лето И. Общие сведения

1. Место рождения *Куйбышевская обл.
Тестраковский р-н,
с. Лошова*

2. Национальность *русский*

3. Партийность (с какого года) *беспар-
тийный*

4. Состоит ли в ВЛКСМ (с какого года) *не состоит*

5. Образование *Окончил авиационный
инженерный техникум обработки
металлов р/н. № 619562.*

6. Основная гражданская специальность *техник - механик*

7. Семейное положение *Женат -
Сажиков Валентина
Васильевна*

Фамилия *Сажиков*
 Имя *Иван*
 Отчество *Андреевич*
 Число, месяц и год рождения *10 окт. 1926*
 Личная подпись владельца *Иван*
 Выдан *Кировскими*
районным военным комиссариатом
г. Куйбышева области (республики)
 " 20 " *марта* 1963 г.
 ВОЕННЫЙ КОМИССАР
 М. П. *С. С. С. С.*
 ДОКЛАДЧИК
 (звонить, подпись)

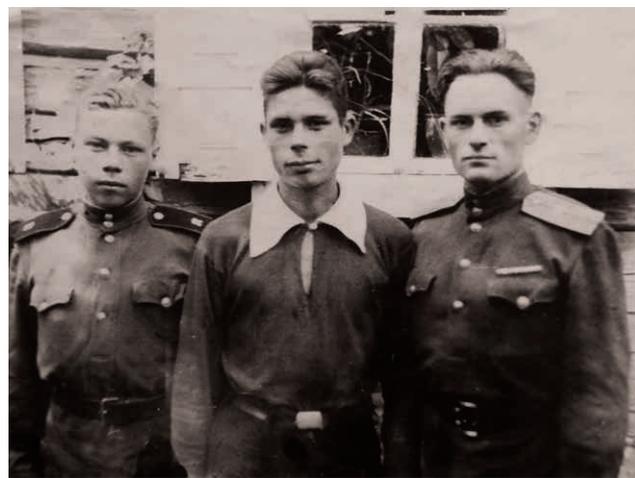
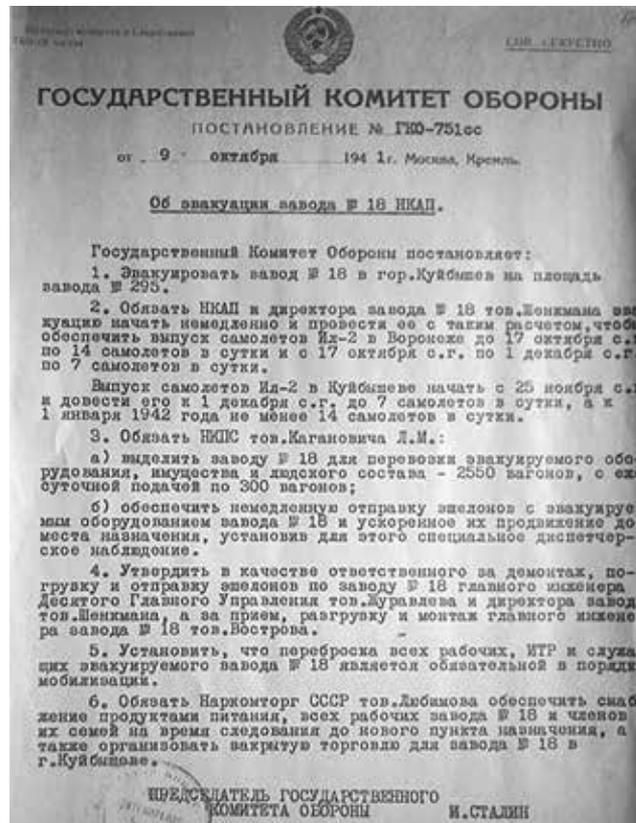
ной линии визира. Прибор непрерывно вырабатывает координаты «текущего» азимута. Установщик высоты, маховиком устанавливает на шкале против указателя скомандованную высоту полета цели. Рядом у соседней стенки прибора также два человека. Один из них своим маховиком совмещает боковое упреждение, другой своим совмещает упреждение по дальности. С противоположной стороны от наводчика по азимуту работают три человека. Один из них – наводчик по углу места цели, другой вращает одновременно

два маховика и совмещает вертикальную и горизонтальную нити с одной и той же указанной ему точкой на диске параллакса. Он учитывает базу (расстояние от прибора до орудий), а также скорость и направление ветра. Наконец, третий работает на шкале установки взрывателя. Вращая маховик, он совмещает указатель шкалы с кривой, которая соответствует скомандованной высоте. У последней, четвертой стенки прибора, работают двое. Один из них вращает маховик совмещения угла возвышения, а другой – маховик сов-

мещения времен полета снаряда. Оба они совмещают указатели со скомандованными кривыми на соответствующих шкалах. Все, что накрутили своими маховиками и ключами, ПУАЗО перерабатывает и передает на исполнительные приборы зенитной батареи. Все это в тишине, на батарее все ждут команды. Раздается: «Огонь!» и в одно мгновение настроенные по высоте патроны вынуты из приборов и вкладываются в стволы, автоматически закрываются затворы. Еще мгновение, – и гремит залп всех орудий. Все вглядываются в небо, где в лучах прожекторов с небольшой задержкой появляются дымки от взорвавшихся, посланных тобой и твоими товарищами, снарядов.

Сколько лет прошло, а разбуди ночью и спроси..., отвечу без запинки! Имена, фамилии бойцов, что рядом были, могу и не вспомнить, стираются лица и даты, а это отдельное место в памяти заняло. Выжгло зубрежкой, тренировками и службой, закрепило в холоде и голоде землянок.

Еще один случай помню: пришлось как то в 1943г. помогать бойцам 17 батареи размещать какие-то ящики в здании театра оперы и балета. Это помещение, что с правой стороны от центрального входа, там художественная галерея была. Долгая работа была. Распорядились потом идти в баню, что на Ульяновской. Подошли и вдруг – «Смирно!», мы навтыжку. Идет какой-то дедок и мужчина с ним рядом. Дедушка тот нас и поприветствовал. Потом нам сказали, что это был «рабочее – крестьянский президент» и «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин. А командиром была у нас Ева Натановна Янвер.

КОЛОМИЕЦ ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВИЧ

Коломиец Виталий Федорович родился в 1928 г. Работал в институте «Гипрвостокнефть» с 1958 г. Специалист в области электрозащиты от коррозии. Являлся автором ряда крупных проектов по защите подземных коммуникаций на газопроводах и нефтепромыслах. Участвовал в разработке нормативных документов и ГОСТов по отрасли. Дважды являлся участником ВДНХ, награжден Почетной грамотой и серебряной медалью ВДНХ СССР. Занесен в Книгу почета института.

Я родился в 1928 г. Начало войны встретил в деревне Большая Богодуховка Сергиевского района Куйбышевской области, шел мне четырнадцатый год. Летний солнечный день, воскресенье 22 июня 1941 г. запомнился удачной рыбалкой с друзьями. Известие о войне в нашу деревню пришло с опозданием, с первой повесткой о вызове в райвоенкомат для отправки на войну. Шел второй или третий день после объявления о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. Радио в деревнях в то время не было, как не было и электричества. Первые четыре повестки были доставлены нарочным. Мой брат Василий около года, как вернулся с действительной службы и очень сожалел, что ему не довелось повоевать с белофиннами в 1939-1940 гг. Службу он проходил в кавалерийской части и прибыл со своим подразделением к линии Манергейма, когда бои уже закончились. Их было три одногодка, вернувшихся из армии, и они решили не дожидаться призыва, а ехать в районный военкомат и записаться добровольцами. Это чтобы на войну не опоздать. Чтобы успеть поучаствовать в настоящем сражении. Не было у них сомнений, что мощная и непобедимая Красная армия разгромит фашистов в ближайшее время. Людьюми владел неподдельный патриотизм. Все верили в мощь армии и мудрость правительства. 1939-40гг. были в наших краях урожайными, играли свадьбы, коллективно отмечали праздники, война на фоне этого временного благоденствия и уверенности в вооруженных силах страны казалась чуть ли не развлечением. Утром следующего дня повез я добровольцев

на лошадке в Сергиевск. Ехали веселые, настроение бодрое, песни пели. К вечеру прибыли на сборный пункт, что располагался в здании райисполкома. Площадь забита: подводды, телеги, лошади в упряжи, автомашины, трактора. Крики, ржание лошадей, шум техники. Мешанина команд и ругани. Действовало все это удручающе, и наш бодрый настрой сменился растерянностью. А тут еще в военкомате узнали, что фашисты уже пол-Украины захватили. Василию с друзьями сказали, что в первую очередь будут оформлять уже призванных, а им непременно пришлют повестки, когда очередь подойдет. Вернулись мы домой притихшие. Через несколько дней их все же призвали, а в декабре пришло извещение на брата: «Погиб смертью храбрых» Похоронки шли одна за другой. Деревня следила за почтальоном: кому очередную беду несет. Уже не с песнями провожали призывников, а со слезами прощались.

Трудно сказать, как напрямую помогали фронту люди села. Работали от темна до темна и на колхозных полях, и совхозных фермах. А по ночам трудились на своих приусадебных огородах и в подворье. Деревня во время войны жила и выжила за счет личного подсобного хозяйства, да еще и налоги с них платила. Налоги были большими. За корову надо было выплатить полторы тысячи рублей в год, сдать 8кг. масла, 50 кг. мяса, 10 кг. шерсти, 100шт. яиц (независимо от наличия кур), а так же кожу и другие натуральные поставки с огородов. А сено для той коровки заготавливали на неудобьях, да по ночам, как и топливо для печек на зиму. Основной тягловой силой в общественном хозяйстве

были выбракованные лошади, которых не забрали на фронт, а рабочей силой – женщины. В помощь им подростки да старики. В начале войны учителей мужчин из школ призвали в армию. 1941-42г. я и большинство сверстников в школу не пошли. Не кому было вести многие предметы. Стране нужен был хлеб. Весь парк техники, какая была, был мобилизован, горючего для комбайнов не было. Хлеб с полей убирали до самой зимы. Косили конными косилками, косами и серпами, вязали в снопы, там же и скирдовали. Зимой снопы из скирд возили на хлебный ток к молотилке. Зима 1941г. была очень суровой. Морозы достигали 40 градусов, снегопады были сильными, частые метели. Я на лошади отвозил зерно от молотилки в зернохранили-

ще. Там его дополнительно очищали и сразу отправляли на государственный элеватор. В деревне зерна не оставляли, даже зерно на семена свозилось в охраняемое спец.хранилище до весны.

В марте 1942г. работал на вывозке леса в Бузулукском бору. С лесосек на лошадке волоком тащили хлысты к железнодорожной станции, где военные его сортировали, пилили и грузили на платформы. Летом того же года вместе с другими ребятами был мобилизован на строительство газопровода Похвистнево – Куйбышев. Рыли траншеи. Дневная норма – 2метра в длину, 2,5 метра в глубину, это при 80 – 90 сантиметров в ширину. Без малого 5 кубометров грунта на мальчишку в день. Ночевали в палатках, спали на соломе. Не выполнившим норму завтрак и ужин не давали. На второй день работы от грубых черенков лопат мои ладони покрылись кровавыми мозолями. Рукавиц не выдавали, и на третий день ладони превратились в кровоточащее месиво. Бригадир, по видимому, желая избежать неприятностей, велел нам двоим горе- работникам бежать с этих работ. На четвертый день мы так и поступили. Траншея победила. Трубы были американскими.

В 1942 г. в нашу школу приехало много эвакуированных вместе с семьями учителей из Ленинграда, в том числе и новый директор школы – женщина 40-45 лет, Ирина Петровна (фамилию не помню). Редкой души человек. Голос не повышала, родителей не вызывала. Обошла она все семьи, дети из которых бросили в 1941 г. учебу, убеждала родителей: «Война окончится нашей победой, стране будут нужны грамотные специалисты для восстановления раз-

рушенных предприятий и строительства новых». Многие 1942-43гг. вернулись в школу учиться дальше. Учителя, в основном, по математике и физике, были городскими, и с питанием у них было трудно. Помню их фамилии – Адонин, Бронштейн, Гримберг, Разумовский. Весной 1943г. директор школы организовала вспашку пришкольного участка. Каждому приезжему учителю был выделен свой надел. Ученики, кто, сколько мог, несли картошку, семена овощей. Организовали воскресники, и все учащиеся участвовали в огородных посадках. Урожай на этих участках выдался отменный. Но этого нужно было дожидаться. Деревня голодала. Хлеба не было совсем. Хлеба поднимались тучные, ожидался полновесный урожай. Подвела погода. Прошло несколько ураганов со шквальными дождями и градом. Хлеба повалило. При уборке такой пшеницы колос подрезался и оставался на земле. Попытки колхозников собирать эти колосья встретили резко отрицательную реакцию районного и партийного руководства. Сбор колосков был строго запрещен, их запаховали в пашню. Ранней весной 1944 г. этот запрет был снят, и на поля, не запаханые осенью, вышли люди. Из собранных колосков добывали зерно и варили кашу. Как потом оказалось, зерно, перезимовавшее в колосе, поражалось каким-то грибком. Люди этого не знали. По деревням как эпидемия прошла. Вымирали семьями. Особо это несчастье постигло многодетные – наиболее голодавшие семьи. Болезнь была быстрой и тяжелой, и человек через два- три дня умирал (врачебной помощи на селе практически не было). По-

сле того, как причина эпидемии была выявлена, в деревнях были организованы государственные обменные пункты, где зараженное зерно обменивалось на доброкачественное. Помню, в школе произошел неприятный для меня случай. На уроке немецкого языка читали большую статью в учебнике, на всю жизнь запомнилось ее название – «Genosse Stalin». Сидевший рядом со мной за партой мальчик щелкнул меня. Я решил ответить, не глядя на него. Мой щелчок попал в портрет Сталина на странице учебника, которым он прикрылся. Учительница видела все это, замечания не сделала, но на следующий урок пришел милиционер, забрал меня и отвел в кабинет народного судьи. Меня заперли в камеру, где содержа-

ли осужденных до их отправки на этап. Директор школы в тот день был в районном центре. На другой день, когда он приехал, его, учительницу и несколько учеников, бывших свидетелями «покушения на честь И.В. Сталина», вызвали в суд. Вывели из камеры меня. Выслушав всех, судья решил, что никакого «покушения» не было, была простая детская шалость. Я отделался внушением со стороны судьи и директора школы. Учителя из Ленинграда уехали, преподавателей по некоторым предметам не было, мы уже толком не учились, а посещали школу. В выходные дни и каникулы работали в основном на колхозных полях. День Победы деревня встретила буднично, хотя день был теплый и солнечный. Особых мероприятий не проводи-

лось, был разгар полевых работ. Общая радость была у каждого. Все ждали изменений к лучшему. Всех ждала работа по восстановлению разрушенного войной. Новые стройки, новые свершения. Все хотели перебраться в города, получить, наконец, паспорт, и увезти туда семью. Уцелевшие на фронтах бывшие колхозники, особенно молодежь, в деревни возвращаться не хотели. Поступали в ФЗО, техникумы и институты, шли на заводы, вставали к станкам и прокатным станам. Не уступали им в этом желании и мы, сельские дети. Я сдал экзамены в заочной средней школе, окончил техникум, а затем и институт.

Правительственных наград и поощрений за работу во время войны не имею.

ЩЕТИНИНА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА

Щетинина Валентина Ивановна родилась в 1927 г. После окончания ПТУ и техникума работала на заводе «Прогресс», в 1956 г. перешла на завод «Экран». После 17 лет работы в прессовом цехе, была направлена на работу в партийную организацию завода, 13 лет проработала зав.сектором партийного учета. Уже на пенсии работала смотрителем краеведческого музея. Главными, кроме сына, внуков и правнука, наградами в своей жизни считает медаль «За трудовую доблесть» и знак «Отличник авиационной промышленности», удостоверение от которого передала в фонды музея им. Алабина.

Родилась я в селе Алексеевка Курской области, но когда отец пришел из армии, он увез семью в Воронеж, где и прошло мое обычное для тех времен детство. Все, как у всех, и своим чередом – детсад, школа с ношением октябрятской звездочки и пионерского галстука. Перемены внесла война. Военное положение в городе и области было введено в первый же день, 22 июня, на следующий день Воронеж был объявлен зоной опасности воздушного нападения. Были введены режим светомаскировки и комендантский час, открыты все бомбоубежища. Тем не менее, в течение всего лета область оставалась в глубоком стратегическом тылу. Только в октябре месяце началась эвакуация промышленных предприятий.

Отца, отслужившего в армии задолго до войны и работавшего на авиационном заводе, вместе с предприятием эвакуировали в Куйбышев. Мы с мамой оставались в Воронеже. Начало следующего лета я должна была встретить в трудовом лагере, помогая колхозникам. До места довели, даже начали распределять по домам. В это время через деревеньку начали проходить подразделения одной из воинских частей. Их командир, увидев на улочке скопление явно не деревенских детей, приказал немедленно отсюда уходить. Не поработав на полях ни дня, мы пешком порядком двинулись в сторону г. Борисоглебска. Если судить по карте, то есть по прямой, до него 200 км., по проложенной автомобильной дороге - почти 230 км. Нам пришлось идти по проселочным дорогам и двигаться ночами. Днем двигаться по открытым местам было опасно, немецкие летчики расстреливали и бомбили,

пресекая передвижения людей и обозов. Выдали нам продукты, выделили лошадку и подводу. Шли от села к селу, менялись лошади и подводы, сменялись, возвращались по своим колхозам недолгие наши провожатые, передавая нас из рук в руки следующим взрослым сопровождающим. В населенных пунктах нас успевали разобрать по домам сердобольные селянки. Они нас обстирывали, купали, кормили и провожали дальше. В общем, мы дошли.

Мне повезло, уже в Борисоглебске встретил меня папин знакомый, узнал. Не только узнал, но и помог. Отвел в эвакуопункт, рассказал о ситуации, договорился отправить меня в Куйбышев, к отцу. Там же я узнала, что все правобережье Воронежа занято немцами. Служащие эвакуопункта проявили ко мне внимание, паек выдали, посадили на нужный поезд. До этого они меня вместе с остальными хотели отправить за Урал, документы уже готовы были. В поезде ехала одна, без сопровождающего. Спасибо женщинам попутчицам, они меня подкармливали. Сколько ехали, сказать не могу. Наш поезд подолгу стоял на полустанках и разъездах, мы пропускали поезда в обоих направлениях. Бесконечно долго ехали.

В Куйбышеве посадили меня на автобус, а у заводской проходной меня уже ждал отец. Его отдельно предупредили. Из лагеря мы уходили налегке, без вещей, так, что при встрече с отцом выглядела я грязнулей в обносках. Был уже конец августа. Прожила несколько дней в отцовском общежитии. С трудом меня устроили в 12 ПТУ при заводе, там уже все учебные группы были давно укомплектованы. Жила в общежитии учили-

ща, трудно было, непривычно. Спали на двухэтажных нарах, матрасы были, но без постельного белья и подушек. Зимой вода в рукомойниках замерзала. Отец достал для меня мужские брюки и пиджак. Сидело это на мне мешковато, но согревало. Наряд дополнила большая белая мохнатая шапка, подозреваю – это вообще была, кем-то привезенная из Средней Азии, папаха. В тех брюках я всю войну на работу и проходила. Для ног нашлись чудесные суконные чупаки и крепкие баллонные калоши сверху.

Учили нас больше примером – поставили у станков, рассказали, какие рычаги для чего и какие кнопки, когда нажимать. Дальше мы несколько дней смотрели, как работают токари со стажем. Через две недели допустили к станкам и учили путем постепенного усложнения поставленных задач. Работали по 12 часов, но в ночную смену мне удавалось поспать. Мастер, который мне это разрешал, оставался работать на двух станках. Он же делился со мной талонами на пшеничный суп. Воду из супа я сливала, а кашу употребляла по назначению. Училище я окончила с присвоением 4-го разряда.

Летом 1943 г. открылся прием в индустриальный техникум. Осенью меня начальник цеха вызвал, говорит, что я должна учиться дальше, попробовать по-любому стоит. Сдашь приемные экзамены в техникум – будешь учиться, провалишься – вернешься на завод. Пока я к экзаменам готовилась и их сдавала, приехала мама. Письмо я отправила деду, рассказала в нем, как и где мы живем. Письмо ему мама прочитала, она все это время в осажденном Воронеже оставалась. Уже всей семьей стали жить в бараке на проспекте Кирова. Мама устро-

илась комендантом общежития, дали нам там комнату. Три кровати. Нас трое и соседка наша с двумя девочками. Между кроватями на чурбачки клались доски – постели для младших. А еще для большего тепла можно было всем лечь на кровать, а ноги отдельно укутать на этих досках. Женщина была из Ленинграда, одна из ее дочерей никак не могла отойти от последствий пережитого во время блокады. Спала она редко, сидела, раскачиваясь, на кровати и плакала от любого громкого звука. Третью кровать занимали две молоденькие воспитательницы из техникума. В одном углу печка, в другом отхожее ведро стояло. В общем, в тесноте жили, да не в обиде. В 6.00 надо быть на ногах и идти в сторону техникума, это к заводу Масленникова.

С января 1944г. я стала студенткой, получила место в общежитии. Из 120 человек первого набора куйбышевцев было только трое, остальные со всей страны.

Представляете, сколько иногородних проживало, училось и работало здесь во время войны. Своя постель, свое белье и собственный стул – мечты сбываются! Юбки форменные нам по фигуре подгоняли, шинели выдали по размеру. В столовой за каждым столом своя очередь на горбушку. Догадались почему? Правильно, она плотная, и кажется вкуснее других кусков. Праздник, когда на горбушку приходит твоя очередь. Все равно голодно было постоянно. Рядом была столовая для летчиков, их по летным нормам кормить было положено. Запах из зала, где их кормили, слезы из нас выжимал. Пахло довоенной роскошью домашнего супа, в котором было мясо. Однажды шла в тот зал официантка, несла на подносе пончики для летчиков. Тут свет по какой-то причине выключился, такое и раньше бывало. Свет через некоторое время заморгал и включился, а официантка все стояла на том же ме-

сте... с пустым подносом и визжала. Мы, студенты, продолжали сидеть на своих местах. Никто не входил и не выходил, никто не жевал. Пончиков так и не нашли. Хлеба иногда по два дня не было. Когда его привозили, выстраивались мы гуськом и из рук в руки его передавали, вокруг вода, сугробы и грязь, тропинки в лужах утонули. Ни одной буханки за все время не пропало. Это я к разговору о пончиках. Ходили мы строго строем и в мастерские через проходную, и обратно в техникум. Строем ходили на занятия по военной подготовке. Строем в баню и назад. Там, пока мы мылись, вещи наши на прожарку отправляли, это была профилактика от вшей. Запомнился запах неведомо из чего сделанной мази, которую называли мылом. Девчонки постарше отказывались этим мыть головы. Рядом с общежитием военная часть находилась, ее строения до сих пор на проспекте Масленникова стоят. 9 мая началась там стрельба, мы повыскакивали из постелей, было раннее утро. Так в некотором испуге о Победе и узнали. Потом в победном параде участие принимали, первыми из гражданских шли, следом за военной техникой.

В 1946 году удалось съездить на родину, деда проведать. Сошла с поезда в Воронеже - и не узнала. Города не было, не было привычных ориентиров. Без домов, город стал плоским и неузнаваемым. Только вереницы развалин дровяных печей. Все сгорело. Добралась и до деревни, запустение там было еще более зловещим. Всех оставшихся в живых переселили в одно место, из знакомого остались одни покосившиеся ворота и четыре каштана, на которых в моем, как казалось, далеком детстве висели каче-

ли и гамак. Оттуда вернулась и стала недопомогать, а в один из дней совсем плохо стало. Отпросилась с занятий, пришла в поликлинику, и там, в очереди на прием, упала в обморок. Очнулась уже перед врачом из противотуберкулезного диспансера. Весь следующий 1947 училась и лечилась попеременно. Лекарства при туберкулезе, кроме самих лекарственных средств, нужны были для тех времен крайне редкие и специфические. Рекомендовалось, есть масло сливочное, мясо и фрукты. Часто и можно помногу. Кто рекомендовал - тоже, наверное, про себя смеялся.

Бросать учебу я не собиралась, хотя врачи на этом настаивали. Дотянула до экзаменов, защитила диплом, потом и на операцию легла. Болезнь была следствием постоянных простуд, духоты в бараках, регулярного недоедания, отсутствия санитарии, попыток согреться, заснув на теплотрассах в цеху. Из военного времени пришла моя болезнь. Догнала меня война. Из больницы забирала меня мама. Дали там мне направление на легкие работы. Определили меня воспитателем ремесленного училища (ФЗУ) трудовых резервов 9-го ГПЗ. Оказалось, что ненадолго. Работа опять была связана со шлифовкой и эмульсиями.

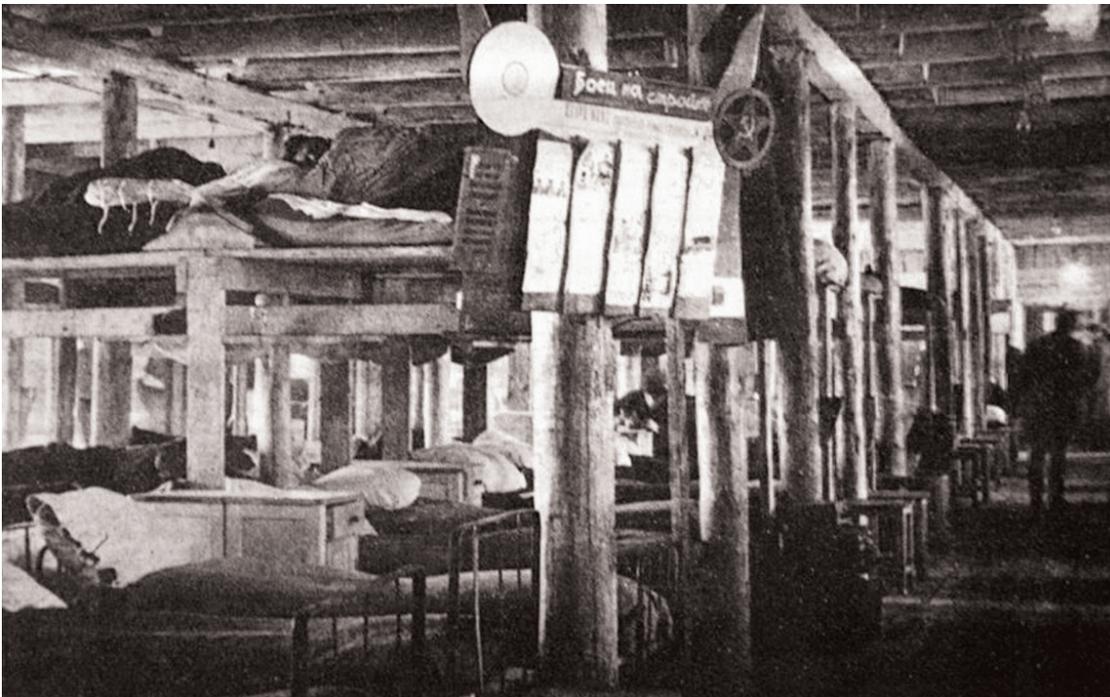
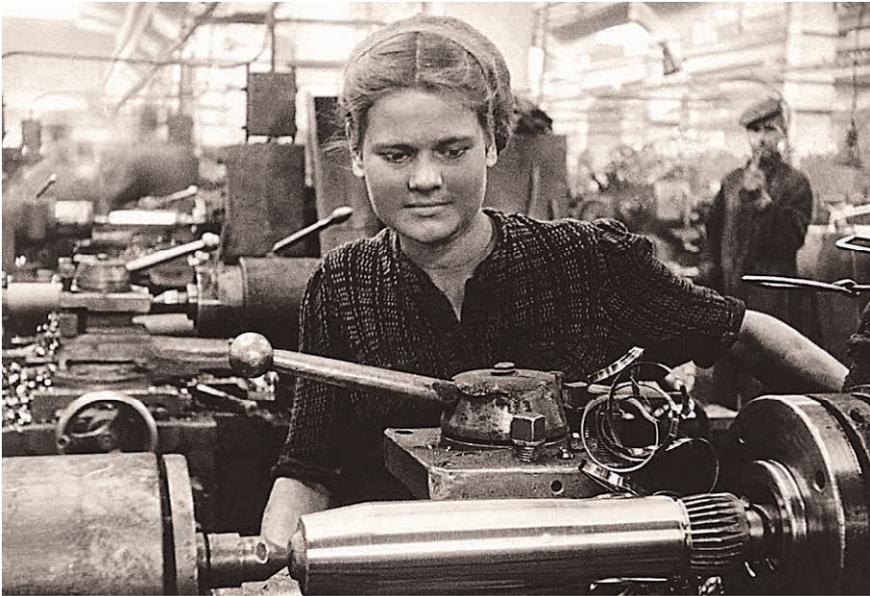
Снова больница. Диагноз - двухсторонний туберкулез легких. В 21 год получила я инвалидность. Посмотрела на свою первую полученную крохотную пенсию и решила идти работать. Мама моя к тому времени уже не работала, отец один тянул семью. Решить - это еще не сделать. Дальше работать с детьми не позволял диагноз, по специальности, техником-технологом, с инвалидностью не брали, рабочей тоже взять не имели

права. Этому мешал диплом. В то время с этим очень строго было, все боялись кадровых проверок. На заводе «Прогресс» мне это начальник отдела кадров красочно разъяснил.

Но опять повезло, встретила одну из девушек, с которыми в бараке на проспекте Кирова жили, она свела со своей приятельницей. Та работала начальником мастерской в одном из цехов завода «Прогресс». Написала я под ее диктовку заявление, она его сама подписала, решила вопрос с подписью начальника своего цеха. Иду вновь к начальнику отдела кадров завода. У него в кабинете мужчина сидит, наблюдает, как идет прием на работу. Понаблюдав он и за нашим разговором. Я уже отчаялась начальника кадров уговорить. Мужчина прослушал мою историю, встает и говорит: «Бери девчонку, не мучь, и меня не бойся. Бери!». Оказалось, это проверяющий из Москвы был.

Случайность, а у меня жизнь новая началась. В мастерской мы по чертежам проводили маркировку специальных разноразмерных защитных трубок, для разводки электропроводки по изделиям. После нас они сразу в сборочный цех шли, работа была очень ответственной. Спасибо учебе - я быстро придумала, как эту работу делать быстрее и безошибочнее. Не вдаваясь в подробности - изделие было военным, скажу, что план свой я перевыполнила вдвое, и делала это из месяца в месяц. Попала на доску почета, в президиумы на цеховых и заводских комсомольских собраниях меня выбирать стали.

Прошло время, избрали меня депутатом районного совета, и на следующий срок тоже.

МЕЛЬНИКОВА НИНА МИХАЙЛОВНА

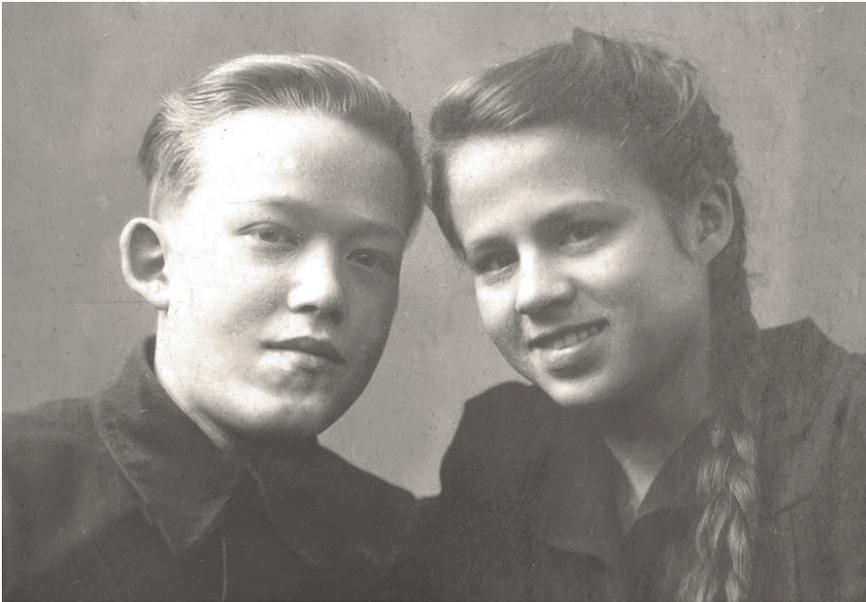
Мельникова Нина Михайловна родилась в 1927 г. С 1942 по 1945 гг. работала на заводе № 540, занималась измерением детонаторов для бомб. В 1950 г. окончила факультет иностранных языков Куйбышевского педагогического института. Преподавала английский, немецкий французский языки в различных учебных заведениях области. Отличник просвещения, заслуженный учитель России.

Мне тринадцать лет, ну, почти тринадцать. На улице была хорошая погода, толпа людей стояла у репродуктора. Многие плакали. Не понимая, что происходит, подошла, стала слушать. Мужской голос говорил о вероломном нападении на нашу страну. Война. Заплакала вместе с другими и я. Не то, чтобы понимала, что означает это слово, что оно несет в себе. В молчании людей вокруг ощутила сильнейшие взрослые переживания и разревелась.

Вскоре нас шестиклассников отправили в село Кабельма Красноярского района на прополку проса. Поднимали нас в 6.00 и до 12 мы работали в поле. Потом шли на пруд купаться, а вечером снова шли работать. Запомнились добрые женщины, что встречали нас вечером с поля и поили молоком. Молоко было теплым, вечерней дойки, вкусным. Запомнились пруд и речка Кондурча, каждодневные щи и каши, и еще занозы на ладонях, да и вообще на руках. Перчаток нам не выдали. Уставали здорово. Жили в разгромленной еще в тридцатых годах кирпичной церкви, мало приспособленной для детского общежития. Отвечал за нас классный руководитель, учитель математики. Потом был седьмой класс, по окончании которого встал вопрос: Куда идти? Отца у меня не было, точнее, я его не знала, у мамы было серьезное заболевание глаз. Родилась она в 1900 году. С 18 лет стала работать машинисткой. Вы видели здание, где она работала? Оно и сейчас стоит на углу Галактионовской и Рабочей. Работала и днем, а когда было нужно и по ночам. Документы, которые она печатала, были важными и потому всегда срочными.

От постоянного перенапряжения глаз у нее началось воспаление роговицы. Поездка в Одесский Институт экспериментальной офтальмологии, куда маму послали на консультацию и возможное лечение особого облегчения не принес. Сам В.П.Филатов, тогда еще профессор, осмотрев и обследовав глаза, заключил, что в ее случае самое большое, чем в клинике могут помочь – это сделать в бельмах прорези. Это позволит маме хоть как-то видеть. Все другие возможности были сопряжены с длительным пребыванием в Одессе, чего мама позволить себе не могла. Операцию сделали. Как инвалида по зрению маму записали в общество слепых, где предоставили возможную в ее состоянии работу. Стала она клеить какие-то коробки и коробочки для лекарств. Так было и до войны и все время до победы, и после этого. Многое из сделанного слепыми, как говорили, попадало на фронт. После войны маму даже медалью наградили.

Возможности учиться дальше я не видела. Голод, 400 грамм хлеба в день. Я с двоюродным братом, сыном маминной сестры, ходила по дворам пилить и колоть дрова. Нам за это хлеб давали, сколько могли. Бабушка, не имея ни каких удобств, умудрялась стирать людям белье. Чаше договаривались об оплате растительным маслом. Но стирка – это полдела, полоскать выстиранное мы шли на Волгу. И летом и зимой. Я с ведрами стираного белья в руках, бабушка несла свой груз на коромысле. Сама набережная была захлавлена до неприличия, но помещения, где можно было полоскать зимой, были устроены. Пятнадцать лет мне исполнилось в ав-

густе. Меня и брата приняли на работу. Хлебная площадь. Завод № 530. Военный. Брата взяли учеником токаря, меня и еще двух девочек посадили на конвейер. Мы назывались браковщицами, сидели за длинным столом, на который сыпали детали устройств – бомб и снарядов. Моя задача – измерять диаметр деталек специальным лекалом, соседка измеряла резьбу, другая измеряла параметры какого-то рычажка. Деталь подходит по размерам, ее в одну сторону, не прошла контроль – в другую. Работали по двенадцать часов. Было две смены, дневная и ночная. К 4.00 утра глаза уставали так, что слипались сами собой, да и общая слабость сказывалась, и сложный в плане взросления возраст. Женщины старшего возраста все это понимали, и укладывали нас троих в угол, там, где чертежи ненужные лежали. Положат на эти бумаги, прикроют и дают нам часа полтора – два поспать. Потом снова за стол. Так прошел год. Рядом, на площади Революции, открыли ШРМ - школу рабочей молодежи. Как учениц этой школы нас перевели на восьмичасовой рабочий день. Назвать наше учение серьезным трудно. Приходишь на занятия, а там то света нет, то отопления. 8 и 9 классы я там все же окончила. Самое главное в той жизни – хлеб. На заводе нам выдавали по 800 грамм. Карточки еще выдавали на крупы и жиры. Приходишь в заводскую столовую, отрезают у тебя из напечатанной бумажки купоны на 40 граммов крупы и 10 граммов жира, и получаешь суп. В нем не то, что жира, и крупа редкость, овощи попадались и горячим был. Похлебаешь и снова за работу. Согревались этим супом, и то хоро-

шо, а хлеб домой несли. Вечерами, если не на заводе, ходили по городу дружинниками. Проверляли затемнение.

Руки у меня ловкие, быстрые, и стали меня учить на госповерителя. Название громкое, но и работа ответственная. Работать предстояло с плитками Иогансона или концевыми мерами. По ним проверяли приборы, которыми я пользовалась, будучи браковщицей. Проверка приборов проверки – это будет самым простым, но точным определением. Если по- книжному, то поверка – это определение значения погрешностей средств измерения с установлением их соответствия принятым нормам. Запомнили и поняли? Плитки Иогансона – это ящик, в отделениях которого расположены эталонные по размерам пластинки, по которым с помощью пассивных можно вымерить внешние поверхности любой детали до самого, что ни на есть, микрона. Пассивный – это регулируемая скоба, с помощью которой можно точно измерять диаметры тел вращения, мерить толщины и дли-

ны изделий. К нам на завод привозили приборы контроля качества с многих, если не со всех предприятий, где выпускалась военная продукция. Потом, когда я уже увольнялась с завода, мне предложили направление на учебу в Москву. Быть оставшуюся жизнь метрологом мне не хотелось, влекло совершенно иное, да и парень уже появился в моей жизни.

Хотела учить детей, и, поверьте, это было не капризом или временным влечением. Я ведь толком о себе пока не рассказывала. Учить я хотела всегда. Я учила своих первых кукол, я учила соседских детей во дворе. Что сама узнавала или осваивала, тому их и учила. Дворы были большими, детворы много. Собирала их, пяти – семилетних, рассказывала вокруг и учила читать. Писать было не на чем – тетрадей не было. Выпрашивали у продавщиц в магазинах оберточную бумагу и делали из нее тетрадки. Читала много, часто во вред сну. Было трудно с книжками – пока ходила в начальные классы в школьной библиотеке выдавали одну книжку в десять дней, не больше и не чаще! Я ее за один день прочитывала. Выручала читалка, так мы называли читальный зал в библиотеке, что был в доме напротив Почтамта, на ул. Красноармейской. Забирать книги домой не разрешали, приходилось читать, сидя в зале. Мама вскоре привыкла к моему распорядку дня, по дворам не искала, а шла в читалку и забирала оттуда. И еще я бегала быстрее всех на улице. Выросла, можно сказать, в штанах своего брата, точнее, в брюках. Любила мальчишескую одежду и мальчишеские игры. Самым лучшим футбольным вратарем была. Надевали

на меня кепку, косу в нее заправляли и все – вратарь. И я не подводила. Участвовала во всех кружках, которые работали во Дворце Пионеров, надолго осталась лишь в балетном. Оттуда вошла в мою жизнь любовь к музыке и театру. В Куйбышеве во время войны лучшие артисты, музыканты и оперные певцы всей страны в эмиграции были. И ходила я с подругами и в театры и в филармонию, как только возможность находили. Билеты были недорогими. Главное было, найти для этих походов время.

Чтобы осуществить мечту о педагогическом образовании и поступить в соответствующее учебное заведение, нужно было окончить нормальную школу. Вечерняя школа, как я уже поняла, знаний для дальнейшего продвижения по выбранному пути помощником была плохим, если не вредным. По подсказке подруги подала документы в школу №32, что на ул.Полевой. Это уже 1944-1945 учебный год пошел. Чтобы успеть на первый урок, выходить из дому приходилось еще затемно. Привыкла. Научилась и задачи решать. Жить продолжали в своем полуподвале. К весне он отсыревал до плесени на стенах, и мы с братом перебирались ночевать в дровяной сарай. Прохладно, но дышать можно. Проснулись однажды от стука в дверь и крика –« Победа!». Это наш друг прибежал, вытащил на улицу. А на улице гулянье, веселье. Объятыя и поцелуи. Этот паренек, что прибежал к нам, жил далеко, в Запанском переезде. Добежал. Пришли на Волгу, по пути к нам знакомые ребята присоединились. И это был май, а мы купались. ... А за этого парня, что нас разбудил, я потом замуж вышла.

ЯМБИКОВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Ямбиков Валерий родился в 1929 г. в Самарской области, с 1932 года семья переехала жить в Самару. В годы войны начал работать на авиационном заводе. В 1943 году перешел на должность киномеханика. После войны окончил Индустриальный институт. Автор и соавтор ряда изобретений в области электротехники и робототехники. Трудовую деятельность завершил в 2018 году. 65 лет работал в политехническом институте, в том числе заведующим лабораторией. Награжден юбилейными медалями в честь Победы в Великой Отечественной войне.

В тот день мы, как обычно, купались в Волге. Берег на спуске улицы Венцака каждый погожий день оглашался ребячьими криками и смехом. Пляжа не было, и мальчишки пользовались надстройками стоящих на якоре пароходов как трамплинами. Помню их названия «Власть Советов» и «Кольцов». Подплываешь, забираешься на первую палубу, а если очень повезет, то и на крышу, и с разбега в воду. Служащие на судне ворчали, но особо не гоняли.

Известие о начале войны буквально вырвало нас из воды. Детское сознание не расслышало в слове «ВОЙНА» чего-то страшного, слово было непонятным и возбуждающим. Нам было по 12-14 лет. Дома все расстроены и подавлены. Взрослым это слово знакомо. Отца на фронт не взяли по возрасту, брат учился в летном училище – того сразу на фронт.

Осенью я пошел учиться в седьмой класс, хотел потом идти работать. В Куйбышев шла эвакуация заводов, шло срочное строительство для размещения их оборудования, расширялись площадки местных предприятий. По квартирам началось распределение эвакуированных специалистов. Отец, долго проработавший в жилищно-арендных кооперативных товариществах, с их расформированием стал работать в домоуправлении. Ему выпало принимать поток специалистов из других городов, распределять их по городу, по квартирам, где были выявлены «лишние» метры жилой площади.

Мать была хорошей портнихой. Шила людям на заказ. Швейные мастерские работали на фронт, за индивидуальный пошив мало кто брался, так что заработок у нее был.

Процесс подселения новоприбывших не обошел и нашу квартиру. Вселился кто-то из московского заводского начальства. В 1942 г., несмотря на то, что мне не исполнилось и 14 лет, наш квартирант помог устроиться на авиационный завод. Трамваи туда еще не ходили, пути только прокладывали. Это не конец города, это конец Безымянки был, Пятилеткой назывался. Большинство, кому далеко было, добирались на паровозах. Паровозы старенькие, народу набивалось столько, что они и с места тронуться не могли. Мужчины прыгивали, разгоняли паровоз, и он ехал по назначению без остановок, вместо них, машинист лишь притормаживал. Кто-то прыгивал, и паровоз пыхтел дальше.

Работа у меня и других моего возраста – куда пошлют, чаще, правда, на верстаке или станке металл ножницами резали. Но уже не иждивенцы, уже по 500 грамм, а иногда 600 грамм хлеба получали. Спасибо товарищу Тяпигину, это фамилия нашего квартиранта, он на завод принял, он с него и отпустил. А мог и не отпускать – 14 лет мне исполнилось, это уже не шутка, это уже ответственность.

Семья переехала на другую квартиру, побольше. С предыдущей комнатой в 10 квадратных метров на пятерых расстались без слез. К тому времени сестра окончила недавно открытую (1939г.) военно-медицинскую академию, пошла работать по специальности. С едой плохо, стали сажать картошку. Все старались огородик завести.

Друг у меня был, кино крутил, так я все свободное время в его будке был. Помогал ему, пока он часть фильма показывает, я предыдущую перематываю,

готовлю к следующему сеансу. Перемотаю быстренько и в окошечко кино смотрю, жду, когда механики на второй аппарат переход сделают. Дождусь, и эту часть фильма перематываю. Потом сдал экзамены на помощника киномеханика. Последовательно стал механиком второй и первой категории, окончил специальные курсы. Работал в кинотеатрах «Фурор» (теперь помещение театра «Самарская площадь») и «Смена» (теперь театр кукол), работал в городском управлении кинофикации. В 1944-1945 выезжал с кинопередвижкой на фронт, там фильмы показывал. В «Фуроре» лестница в кинобудку была высокая, зал маленький, короткий. Когда я туда работать пришел, техноруком женщина была, Мальцева, имени отчества не помню. Она меня всегда «Лялёк» звала. Ласково так. Ленты старые были, истертые, рвались, надо было клеить. Это

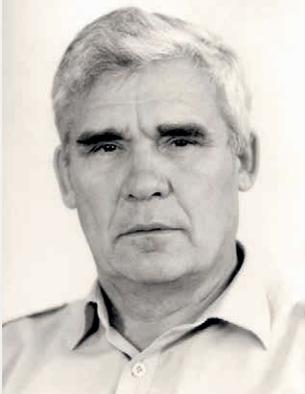

тоже надо было уметь. Сначала в ацетоне пленку старую растворишь, чтобы клей плотнее получился. Специальный пресс, пленку вставляешь, зачистишь, смажешь клеем и прижмешь. Получилось, значит, эта часть фильма пройдет, только перфорацию тоже приклеить нужно. Фильмы старые, смотренные - пересмотренные, и наизусть заученные, но приходили и замирали, и плакали, и нервно курили махорку, и смеялись как впервые, в те очень далекие довоенные годы.

Было страшно, когда самолеты с крестами на крыльях долетали до города. Воздушные тревоги редкостью не были. Понятно было, что хотят разбомбить заводы. Выли сирены, шарили по небу лучи вспыхнувших прожекторов, наперебой ухали с разных сторон зенитки, наши летчики на истребителях отжимали врагов от городских и промышленных кварталов, вытесняли за окраины, там они в большинстве своем сбрасывали свой смертоносный груз. А мы? Мы бежали в ближайшее бомбоубежище, с собой документы и покушать, если есть. Ложных тревог много было. Сбитых немецких самолетов я не видел. Жизнь шла своим чередом, ходили гулять на Совуху (площадь им.Куйбышева до переименования называлась Советской), пробовали курить купленную на рынке махорку.

Потом был День Победы, его ждали со дня на день. Дождались многие. Помню было солнечно, весь народ, кто мог, на площадь пришел. Одна радость на всех. Пели песни. Выступали секретари партийных организаций. И все понимали, что жить станет легче, но жить лучше станем не скоро.

СУСЛОВ ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

Суслов Василий Андреевич родился в 1934 г. Работал в институте «Гипровостокнефть» с 1958 г. Прошел путь до заведующего лабораторией электро моделирования. Ведущий специалист в области разработки нефтяных месторождений, автор многих научных работ. Занесен в Книгу почета института. Кандидат технических наук.

«Фашист силен» - эта фраза крепко связана в моем сознании с началом войны. В тот день я ее слышал не раз. Взрослые громко спорили и обсуждали предстоящие трудности.

Чапаевск, Куйбышевская область, я школьник. Семья – трое детей, отец с матерью, бабушка. Дед присоединился к семье в ноябре 1941 г. Пришел из плена. Это самое яркое воспоминаний той поры. Перед войной он уже был пенсионного возраста, имел старенькую лошадку, на которой подрабатывал извозом в местном магазине. Образ жизни обществом не одобряемый, таких полупрезрительно называли «единоличник». Жил бедно, от бескормицы лошадь к весне поддерживал вожжами под брюхо, чтобы не завалилась. Весной 1939 г. лошадка пала от истощения, и деда судили за это, как за «подрыв экономики государства». Не помогло деду, что два его сына служили в то время в армии, сослали его в лагерь на западную границу страны, в Белосток. Осужденные этого лагеря занимались заготовкой дров. Судя по письмам деда, его за хорошую работу должны были освободить досрочно – в 1941 г. Позже дед рассказывал, что лагерь разбомбили в первый же день войны. Весь народ кинулся на вокзал, люди обезумели от страха. Запомнилась ему одна женщина – в руках мертвый ребенок, а у самой взрывной волной выбит глаз и висит он на ее щеке. Немцы окружили, загнали всех мужиков в лагерь, поставили охрану и забыли на шесть дней. Ни воды, ни еды. На седьмой день в лагерь бросили мертвую лошадь. Достался деду кусочек лошадиного сердца со спичечный коробок величиной. Немцы отделили всех

евреев отдельно. Дальнейшая их судьба не известна. Прошло некоторое время, деда выпустили из лагеря, прикрепили жить в доме одинокой женщины, заставили убирать хлеб. Прожив неделю он, соорудив большую сумку, собрался в дорогу. В лесу прибился к группе выходящих из окружения красноармейцев. Шли ночами, а днем дед приходил в ближайшие деревни и побирался, осеняя себя крестом. Подавали, тем он с солдатиками и кормился. Дед оброс так, что немецкие офицеры останавливали его на дороге и фотографировались с ним, как с «русским медведем». Линию фронта переходили в начале октября под Воронежем, точнее нашли разбитые лодки, подлатали, как смогли, и ночью переплыли на нашу сторону.

В ГПУ (так говорил дед) его допросили и посадили в «кутузку», до выяснения обстоятельств. Домой в г. Чапаевск дед вернулся 5 ноября. В окно постучал, домашние его, заросшего бородой, в лохмотьях, не узнали. В дом зайти он отказался, разделся прямо во дворе. Молоденький белый снежок посерел от вшей. Искупали его, переодели и до утра слушали о его злоключениях. Пару дней отдохнув, приобрел он где-то полудохлую лошадь, стал возить хворост из леса, землю пахал, сеял просо, ячмень. Благодаря ему семья и выжила в то тяжелое время.

Отец работал на военном заводе по 12 часов в день. Рабочие завода ходили желтыми от выпускаемой взрывчатки – тротила, особенно желтыми были руки. Все остальные были заняты на огородах. По мере сил и умений я помогал им по хозяйству. В школе участвовал в формированиях самообороны по школьной программе. Было у нас общественно полезное дело оклеивание окон полосками бумаги на случай воздушного налета и бомбежки. Участвовали мы и другом мероприятии – боролись со светом в окнах в темное время суток.

Отца в армию не призвали, у него

от завода бронь была. На фронт ушли четверо братьев родителей. Проводы в армию хоть и были скорыми, но запомнились песнями, особенно популярной в то время «Катюшей». Четверо братьев отца и мамы были на фронте, один из них, танкист, прошел всю войну. Трое вернулись инвалидами. День победы все ожидали в апреле-мае по сводкам информбюро. Сам об этом долгожданном дне узнал по возвращению с полевых работ, где помогал деду. Все радовались, обнимались, плакали и снова пели «Катюшу», вставляя в ее текст новые строчки, наполняя ее новым победным содержанием:

Пусть фриц помнит русскую «катюшу»,

*Пусть услышит, как она поёт:
Из врагов вытряхивает души,
А своим отвагу придаёт!*

а последний куплет звучал так:

*Разлетались головы и туши
Дрожь колотит немца за рекой
Эта наша русская Катюша
Немчуре поёт за упокой.*

Встречи с отвоевавшими победителями сопровождалась нехитрыми застольями и обильными рассказами о военных буднях, зверствах врага. Поминали не вернувшихся, скорбели. Бывали и свадьбы. Запомнился бравый вид демобилизованных солдат, начищенное обмундирование, блеск наград, скрип портупей и полевых планшетов. Мальчишки показывали друг другу привезенные родственниками трофеи – открытки с видами освобожденных от фашистов городов.

Наград не имею, т.к. был школьником.

Фотографий не сохранилось.

МАЛЫГИН ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Малыгин Валерий Николаевич родился в 1936 г.

Работал в институте

«Гипростокнефть» с 1959 г.

Прошел путь от инженера до заведующего отделом САПР.

Кандидат экономических наук.

Имеет более 80 научных трудов.

Был известен в Министерстве нефтедобывающей промышленности СССР и Госплане СССР.

Награжден медалью «Ветеран труда», знаком «Отличник нефтяной промышленности».

Занесен в Книгу почета института.

Мы, участники проекта, не смогли увидеться с автором последующих строк. Воспоминания Валерия Николаевича Малыгина были нам любезно переданы ветеранской организацией «Гипростокнефть».

Полученный материал достаточно большой по объему, поэтому печатаем его сокращенный и адаптированный вариант. Более поздние по отношению к воспоминаниям комментарии автора правкой не тронуты, а лишь выделены жирным курсивом.

Я буду писать только то, что видел и помню лично. В самых необходимых, по моему мнению, местах буду давать комментарии на основе знаний полученных позже.

1941 г. В июне этого года мне исполнилось 4 года 10 месяцев. Семья - мать с отцом и я с младшей сестрой проживала в г. Чапаевске Куйбышевской области. Отец работал начальником смены на заводе №15 в цехе №6. **Завод подчинялся Наркомату боеприпасов, цех №6 – сернокислотный, входил в состав комплекса цехов, производивших тротил – основное боевое взрывчатое вещество того времени.** 22 июня рано утром меня разбудила гроза, и я застал и запомнил приход отца с ночной смены. Он вошел в комнату, и, не отвечая на мое радостное приветствие, сказал, что на нас напал Гитлер. Так наша семья раньше миллионов советских граждан узнала о войне. **То, что я читал в мемуарах и публицистике о растерянности руководства страны и отсутствию связи с местами, этому факту моей жизни не соответствуют. Военные заводы узнали о начале войны в ночь нападения на страну, в первую ночь войны.** Еще я помню, как готовил в тот день «к фронту» свои любимые игрушки: большой самосвал и заводной колесный трактор – закрасил им фары синим цветом. Не помню, откуда, но, в неполные пять лет я знал, что на войне так надо. Мама увидела это и так горько заплака-

ла, что в мою душу вошло что-то совсем не детское, не игрушечное. И еще осталось из этого дня: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» **Это заключительная фраза обращения к советскому народу, которое заместитель Председателя Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотов зачитал в 12 часов дня, стала и заветом и призывом на годы.** Самое сильное впечатление от проводов на фронт осталось у меня, когда уходили тракторы. Длинная колонна «сталинцев» - больших машин из степных МТС – растянулась на полгорода, до погрузочной платформы нашей железнодорожной станции. Тракторы шли на непривычно большой скорости, вели их люди с суровыми лицами, и все, уступившие им дорогу, стояли молча, и смотрели вслед. В городе стали проводиться первые противовоздушные мероприятия: на крышах домов, появились огражденные площадки для наблюдателей, населению была розданы плотная синяя бумага для светомаскировки окон и противогазы. Все учились быстро их надевать и протирать стекла специальными карандашами от запотевания. Взрослое население, связанное с предприятиями города, отчетливо представ-

ляло, чем может обернуться бомбежка заводов или диверсия в одном из действующих цехов. **Чапаевский завод №102, к примеру, производил хлор и отравляющие вещества на его основе, в том числе иприт. Последствия хотя бы частичного разрушения одного из этих производств влекло для населения города поистине непредсказуемые последствия.** Начали действовать формирования ПВХО – противовоздушной и противохимической обороны. Их усилиями дом по вечерам стал абсолютно темным: в квартиру, где в шторах была хоть малейшая щелка, тут же приходили и исправляли непорядок. У взрослых свободного времени вскоре не осталось вовсе – на заводах были введены двенадцати часовые рабочие смены. Условия тяжелые, это и сернистый газ, и кислотный дождь, и раскаленные колчедановые печи и, готовая взорваться, аппаратура. Заводы наращивали производство оружия. Станция и заводские подъездные пути были полны железнодорожными составами из plombированных вагонов с часовыми в тамбурах. Впрочем, назывались они уже не составами, а эшелонами. Живо помню события, связанные с открытием госпиталя. Жили мы на одной из новых улиц города – Медицинской, в новом «Доме специалистов», рядом с довольно большим для Чапаевска большим городком. Этот городок был мобилизован полностью, превратился в госпиталь. На крыши домов положили брезенты с большими, нарисованными красками красными крестами. В начале войны еще была надежда на немецкую гуманность. Городок обнесли оградой, установили будку с часовыми. Вскоре

прибыли первые раненые. Улицу до войны вымостить с начала до конца не успели. От шоссе вдоль завода до ворот городка она была готова, а к станции вела уже обычная грунтовая дорога в рытвинах. Мобилизованные со всего города машины скорой помощи шли здесь осторожно, жалобно завывая моторами на ухабах. Окна в нашей квартире были огромными, это по архитектурным традициям довоенных лет, и я, и собиравшиеся под ними женщины, каждый день наблюдали за все пребывающими ранеными. На машинах привозили лежачих, а тех, кто мог сидеть, привозили на городских автобусах. Девочки постарше – школьницы и студентки техникума собирали для раненых подарки: полотенца, мыльницы, бритвы, вышитые кисеты. Помню первых эвакуированных: шли они робкой группой с узелками и чемоданами. Шли к нашему большому Дворцу Культуры, где были выделены для них помещения. Чуть позже через Чапаевск пошли целые эшелоны эвакуированных. Следовали по железной дороге стоя на платформах станки и другое явно заводское оборудование, на них же стояли закрепленные автобусы и троллейбусы в которых не ехали, а буквально жили люди. И вагоны, бесконечные и разные: пригородные и товарные, теплушки и пассажирские. Тут, в Чапаевске, как и на других станциях, встречались два потока. Первый, основной, шел на запад – это бойцы, техника, орудия и боеприпасы. Второй оттуда, со стороны войны. Эшелоны с эвакуированными шли медленно, пропуская воинские, подолгу простаивая на станциях и разъездах. Люди – чаще женщины соскакивали из вагонов

с кастрюльками и чайниками. Они бежали за водой или к костеркам из щепок, оставленным предыдущим эшелонам. Желание одно – разогреть, вскипятить, сварить или доварить пищу. Паровоз гудел и сразу дергал состав, люди, кто успев сделать намеченное, а кто и нет, лезли в вагоны на ходу, обжигались, но кастрюлек не бросали. Костерки оставались тлеть до следующего состава. Помню, первые очереди за едой – огромные, в которых моей маме часто ничего не доставалось. Впрочем, вскоре появились карточки, и проблема приобрела другую окраску. По карточкам выдавали мало продуктов, и моя строгая мама военизировала наш быт: есть стали строго по часам. У отца, как у работающего на вредном производстве, был литературный обед – это разнообразило достававшуюся мне еду. Все чаще слышал тихие печальные разговоры родителей и соседей об оставлении нашими войсками городов с знакомыми и неизвестными мне названиями. Настроение от этого приподнятым назвать нельзя, но никогда и ни от кого не слышал я сомнений в нашей победе. На улицах стало меньше машин. С началом холодов в окнах многих городских зданий появились жестяные трубы «буржук». Хотели отключить и наш дом, но повезло, мы брали тепло от заводской ТЭЦ. К нам приходили греться и мыть малышей знакомые из других районов. **Вследствие захвата немцами Донбасса домовые и районные котельные были отключены на 2-3 года, а то и до конца войны.** Угля для их работы просто не было. Несмотря на двух детей, нашу маму мобилизовали на трудовой фронт. С мамой мобилизуют и нашу

18 июля	19 июля	20 июля	21 июля	22 июля	23 июля	24 июля	25 июля	26 июля	27 июля	28 июля
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
400 гр	400 гр	400 гр	400 гр	400 гр	400 гр	400 гр	400 гр	400 гр	400 гр	400 гр
17 июля	29 июля	30 июля	31 июля	ХЛЕБ						
ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ	ХЛЕБ
400 гр	400 гр	400 гр	400 гр	50 гр	50 гр	50 гр	50 гр	50 гр	50 гр	50 гр
16 июля	ХЛЕБ									
400 гр	ХЛЕБ									
15 июля	ХЛЕБ									
400 гр	ХЛЕБ									
<p>КАРТОЧКА НА ХЛЕБ на июль 1941 г. НОРМА 500 гр В ДЕНЬ</p> <p>ФАМИЛИЯ _____ Имя _____ Отчество _____</p> <p>ПРИ УТЕРЕ КАРТОЧКА НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ</p>										

<p>Карточка на ХЛЕБ на ноябрь 1941 года Норма 600 гр. в день</p> <p>Фамилия _____ Имя _____ Отчество _____</p> <p>ПРИ УТЕРЕ КАРТОЧКА НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ.</p>			27 ноября	28 ноября	29 ноября
Хлеб	Хлеб	Хлеб	Хлеб		
200 гр.	200 гр.	200 гр.	200 гр.		
27 ноября	28 ноября	29 ноября	30 ноября		
Хлеб	Хлеб	Хлеб	Хлеб		
200 гр.	200 гр.	200 гр.	200 гр.		
27 ноября	28 ноября	29 ноября	30 ноября		
Хлеб	Хлеб	Хлеб	Хлеб		
200 гр.	200 гр.	200 гр.	200 гр.		
27 ноября	28 ноября	29 ноября	30 ноября		
Хлеб	Хлеб	Хлеб	Хлеб		
200 гр.	200 гр.	200 гр.	200 гр.		
27 ноября	28 ноября	29 ноября	30 ноября		
Хлеб	Хлеб	Хлеб	Хлеб		
200 гр.	200 гр.	200 гр.	200 гр.		

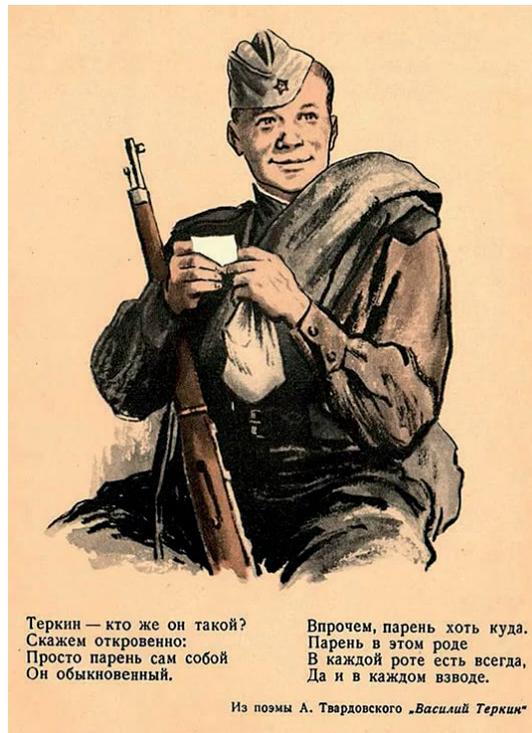

2	4	5	6	7	8	9	11	12	13	14
МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ
16	18	19	20	21	23	25	26	27	28	30
МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ	МАЙ
<p>Продовольственная карточка на МАЙ м-ц 1942 г.</p> <p>МАГАЗИН № _____</p> <p>Фамилия И. О. _____</p> <p>Место работы _____</p> <p>Руководитель предприятия _____</p> <p>Продовольственный магазин № _____</p>										

14	15	16	17	18	19	20	22	24	26	27
хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб
14	15	16	17	18	19	20	22	24	26	27
хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб	хлеб
<p>Хлебная карточка на <u>Сент</u> м-ц 1943 г.</p> <p>СТОЛОВАЯ № 24</p> <p>Фамилия И. О. <u>Сидорова Анна Ивановна</u></p> <p>Подпись <u>Тарасов</u></p>										

швейную машинку «Зингер». Городская швейная фабрика не справляется с военным заказом, не помогла мобилизация швейных ателье и артелей. Рабочих мест на фабрике нет, поэтому мама – надомница. Нитки, материал и раскроенные детали надо носить из артели, из поселка за вокзалом. Ходим туда втроем: груз большой, мама маленькая, помощь от нас с сестрой еще меньше. Перейти железную дорогу было большой проблемой. Станция постоянно занята эшелонами. Маневровые паровозы не справляются, их мало, а мимо без очереди и остановок несутся длинные эшелоны. «Зингер» стучал с утра до поздней ночи. Горой на кушетке гимнастерки, солдатское белье с завязками, патронные сумки. Когда гаснет свет (заводу по ночам не хватает энергии), мама зажигает парафиновую коптилку – не свечку, а кусок парафина, принесенный с завода. На парафине фитилек. Стучит швейная машинка, трещит маленькими взрывами коптилка, огонь неровный и мечутся от него тени по стенам. Мама – стахановка, и нас (ее конечно) премируют пряниками. Ничего нет вкуснее. **Парафин, при всей строгости пропускного режима, выносить с завода разрешали – все равно его положено было сжигать на полигоне. Через много лет я узнал, что парафин - отход снаряжательного производства: с его помощью выплавляли взрывчатку из старых снарядов. От остатков в нем взрывчатых веществ, он горел с треском и взрывами.**

Гремит радио:- В последний час. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы! В киносборнике и на газетных фото – суровый Жуков над кар-

Теркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

Из поэмы А. Твардовского „Василий Теркин“

той, наши атакующие танки, лыжники, конники. Этим кончается в моей памяти год 1941.

Следующий, 1942, год начинается с елки, устроенной у нас молодыми маминскими приятельницами, наверное, другого помещения не нашлось. Был патефон, танцы и огромный коровий желудок, фаршированный пшенной кашей. Это вместо гуся. Были воспоминания о довоенных «богатых» елках. Мой словарь пополнился двумя словами: «освободили» и «населенный пункт». Крупнейшее событие в моей жизни: я научился читать! Собственно, вывески я читал еще раньше, а тут отец в один из зимних дней спросил: «Буквы знаешь, а почему читать не хочешь?» Оказалось,

что читать книжки не сложнее, чем вывески. Теперь детские книжки сестренке читали вдвоем, попеременно – папа и я. Убедившись, что чтение вслух освоено, практически минув этап чтения по слогам, отец предложил попробовать читать глазами, про себя, не вслух. Это для того, чтобы не мешать ему спать в то короткое время, когда он мог себе позволить отдыхать. Отец изменился: с работы приходил в побитой кислотными ожогами толстой суконной спецовке и в ватнике, постепенно принявшем фиолетово-бурый цвет колчеданного огарка. На работе ему приходилось впереди своих рабочих залазить в горячие печи, менять обломившиеся чугунные лопасти – гребки, разгребающие огненный кипящий колчедан. До войны отец не позволил бы себе появиться в городе в рабочей одежде. Носил шикарные пальто и коверкотовые костюмы. Засыпает сразу, как вернется, спит с тяжелым храпом. Детские книжки во время войны читать скучно, и я взялся за брошюры о войне, а потом – за газеты. Передо мной открывается жизнь с боями и подвигами. Стал рисовать войну по газетным сообщениям и попросил отца научить меня писать. Он дает мне толстую тетрадку, выписывает сбоку на страницах алфавит заглавными и прописными буквами. Учусь писать. Через несколько дней, одобрив мои труды, отец разрешает переписывать из книжек. Самостоятельно переписываю любимые стихи про Теркина и «О герое, старшине Николае Тотмине», это уже С.Я. Маршак. Еще крупное событие – дают огороды. Маленькие кусочки земли в трех разных местах. До ближайшего – километра два, до самого дальнего – все шесть. Гу-

дят с непривычки усталые ноги. Новые ощущения и впечатления – степной весенний ветерок, родничок в овраге, невиданный цветок – степной мак, вокруг сотни людей, копающих землю. Родничок осаждают десятки неопытных огородников, не захвативших воды с собой. Хорошо работникам механических цехов с их станками и сваркой, они выезжают солидно, с детишками, на самодельных тачках. Там же мелкая картошка для посадки. Наш цех все тащит на себе, и грабли у многих самодельные – это деревяшки, пробитые крупными гвоздями. На огороды приходится ходить часто, то прополка, то окучивание. На дальнем участке в земле полно осколков. Нам достался край заводского полигона. Зато вид оттуда великолепный: от большой вышки в сторону холмов и мишеней бьют орудия, вздымаются и гремят взрывы. Это идут испытания заводской продукции. Вскоре и другие огородные места приобретают военный вид. Под силикатным заводом за узкоколейкой установлены 12 зениток, (считать я умею), и счетверенный зенитный пулемет. Рядом расположили

новенький зеленый грузовик ЗИС и звукоуловитель – четырехколесный домик с изогнутыми штуками, похожими на радиорупоры. Когда у зенитчиков учебная тревога, одни поворачивают туда-сюда стволы установки, другие сидят на уловителе. ***Звукоуловитель - акустический прибор, применявшийся в ПВО для обнаружения самолетов противника, наводки прожекторов и обеспечения стрельбы зенитной артиллерии. Впервые появились во время 1-й мировой войны. В кон. 50-х гг. им на замену были разработаны и приняты на вооружение радиолокационные станции.*** Рядом с другим огородом расположились громадные аэростаты заграждения. Высоко в воздухе мы их не видели, днем они слишком заметны, их поднимали по ночам. Аэростаты прикрывали собой подлеты к важным объектам. Зениток много, они стоят даже в загородном парке, через который лежит одна из дорог в луга. Нас еле – еле пропускают мимо за щавелем, диким луком и ягодами.

В городе все больше и больше военных и армейских машин. Мелькает даже

маленький юркий «виллис», говорят, генеральский. Под красноармейскую столовую был отдан детский скверик, где мы обычно играли. Бойцы детей не прогоняют. Они энергично расправляются со своими кашами или лапшой, прячут ложки за голенища сапог и идут учиться окапываться. За городской чертой перекопано много мест, окопы и окопчики, валики – брустверы. Многое должен уметь сделать пехотинец для своей безопасности. Сделать быстро, надежно при любых условиях и обстоятельствах.

В газетах опять читаем «оставили», «отошли на новые, заранее подготовленные позиции». Начались показы военных фильмов и киносборников. Переписывать заметки из газет надоело, начинаю сочинять сам, конечно в газетном стиле и с сотнями ошибок. Мои герои под командованием генерала на «виллисе» не отходят и не оставляют врагу ни пяди нашей земли. Они героически наступают и бьют фрицев.

По ночам все чаще объявляют воздушные тревоги, пока учебные. Шарят по небу лучи прожекторов, трещат зенитки, в небе вспыхивают звездочки

разорвавшихся снарядов. Настоящую тревогу объявить просто не успевают: немецкий самолет пикирует с очень большой высоты и с чужим, тяжелым гулом мотора летит над заводом. Запоздало и не в лад барабанят зенитки. Мне обидно до слез: мама только что искупала меня и завернула голого в полотенце. Отвратительная беззащитность и обнаженность. За окном, в хлебной очереди, визжали испуганные женщины. Твердый мужской голос прекращает возникшую панику. У меня хватает храбрости выглянуть из окошка. Это голос выздоравливающего раненого из соседнего госпиталя. Он опирается на один костыль, а другим указывает на самолет и говорит женщинам, что бомбежки не будет, что этот самолет - разведчик. «Хейнкель», как назвал его раненый, не долетев до главных цехов поворачивает в степь и, набирая высоту, уходит от снарядов зениток.

В конце лета в газетах главное слово «Сталинград». Для нас, живущих в Чапаевске, оно имеет особое звучание. Между нашим городом и Сталинградом только один большой город – Саратов. Война близко. Завод приходит прямо в город. Ему нужна вода и в огромные траншеи кладут чугунные трубы для водоснабжения. Завод захлебывается уже использованной на производстве водой и одной из центральных улиц прокладывают большой деревянный желоб в земляной траншее. Речка получила название «Тротилка». Отец бывает дома редко, он переехал жить на завод. Однажды он забирает меня на стадион. Там нет спортивных состязаний. На футбольном поле строятся отряды заводчан, и папина смена тоже там. Потом в

стадионном тире они стреляют из винтовок. Стреляют стоя, с колена и лежа. Я собираю гильзы. Это учеба народного ополчения. Картошку начали «подкапывать» еще в июле. Хорош из нее суп со свекольными листьями. В конце лета возникает паника, прошел слух, что кто-то ворует овощи на самом близком и урожайном участке, на Кирпичном. Отца дома нет, мама одевает нас и мы бегом на огород. Какая тогда уродилась картошка, не помню, но тыквы были очень крупные, мне не поднять. Успевший прибежать народ яростно роет картофели, грузит тыквы на тележки и велосипеды. Мама кладет три тыквы в мешок, пробует поднять, и, смахнув слезу, одну выкатывает обратно. Уходя с грузом, оставляет нас с сестренкой сторожить еще неубранное. Я командую, и мы вдвоем катим тыквы в одну кучу. Вскоре приехал на заводской машине зам. директора «по всем вопросам» и пытался остановить преждевременную уборку урожая. Совсем уж неожиданно для всех появились вооруженные бойцы и, невзирая на чины и заслуги, согнали людей с поля. Объяснения давались короткие: «Начинаются стрельбы на полигоне». Выбежав с поля, огородники прячутся за залом бывшего оросительного канала и слушают, как громяют в карьере залпы и чирикают над их головами невидимые осколки снарядов. Там и нашла нас с сестренкой, прорвавшаяся через солдатское оцепление, мама. Прошла пара недель, огороды убраны, пришли ранние заморозки. В городе идет подготовка к чему-то значительному. На стадионе ремесленного училища выстроились десятки новеньких грузовиков с двухосными прицепа-

ми. Позже выясняется, что приехал сам маршал Ворошилов - представитель Ставки по формированию войск, будет смотр готовой к отправки на фронт нашей дивизии. Полки один за другим уходят к вокзалу. В сторону Сталинграда пролетает два звена У-2. До самого нового года ждем оттуда сообщений. Из газет и радио знаем: вражеская группировка окружена. Новый, 1943, встречаем без елки, но в приподнятом настроении. Наша армия берет города, пусть и не всегда самые большие.

Через несколько дней перед нашим окнами происходит нечто трагическое. Собралась большая группа воинского начальства, некоторые в черных шинелях, наверное, моряки, лица у все печальны и строги. Двое бережно и легко приносят носилки. На носилках что-то небольшое завернутое в темное одеяло. Все снимаю головные уборы. Прощаются. Носилки заносят в большие аэросани, и те, гудя пропеллером, уезжают. **Много лет спустя я прочел, что в это время, где-то в наших местах, сбившись в бурани с пути, погибла лётчица-штурман, майор Военно-воздушных сил Красной армии, одна из первых женщин, удостоенная звания Герой Советского Союза, Марина Раскова. Лётчица летела принимать новое назначение – командира женского авиаполка морской авиации.**

Появилось новое слово – «менять». Отец с товарищем, нагрузив детские санки вещами из дома, уходили в окрестные деревни. Возвращались продрогшие, часть вещей привозили назад. Их «добычей» были продукты – немного капусты, морковь, свекла, редька...

Один раз ездил с отцом в Куйбышев.

На Волге сероватый лед, из окна вагона видны вмерзшие в затоне в него пароходы. Город мне казался большим и деревянным. Я старался запоминать большие здания, иначе в этом городе запутаешься. Для меня Куйбышев был городом базаров, причем не менее дорогих, чем в Чапаевске. Из названий помню только ныне исчезнувшую «Болгарку» у вокзала, Чуть дальше еще один странный маленький базар рядом с огромным краснокирпичным домом до-революционной постройки. Запомнилось множество балконов. Прямо перед базаром, через дорогу еще один запомнившийся дом, недостроенный, с детскими кубиками на огромных колоннах, неоштукатуренный, с пестрой кирпичной кладкой. Окна уже были вставлены и повсюду из них торчали дымящие трубы буржук.

С начала лета ходили на рыбалку. Ловили на нашей речки мелкую рыбешку, бреднем, рядом со старой водокачкой. Мама ее солила и делала необыкновенно вкусный форшмак. По сообщениям о фронтовых событиях узнавали о ходе Курской битвы. Ждали новостей с нетерпением. Потом наша армия пошла вперед. Сразу пришли сообщения об окончательном освобождении Харькова. Навсегда! Пришло письмо от деда: немецкий снаряд попал в соседний дом, а наша авиабомба разорвалась рядом с его домом, но все родные и знакомые живы.

Первая, памятная для меня авария на заводе. Потом хоронили пожарных. Одиннадцать огнеборцев погибло. Загорелся тротил в одной из мастерских, и они его тушили. Запомнились похороны тех пожарных: огромная могила,

два грузовика с закрытыми гробами и, хватающиеся за них, женщины. ***Взрыв произошел из-за трусости аппаратчика. Он увидел вспышку, и, вместо того чтобы включить систему пожаротушения, убежал. Мой отец был рядом, его бригада ремонтировала кислотную башню. Они видели, как приезжал на машине директор, как кричал, чтобы пожарные отъезжали. У них было другое командование и Позже отец рассказал, что здание мастерской на их глазах вздрогнуло, осело и рассыпалось.***

1943 – год урожайный. Комната была завалена ароматными дынями и огромными арбузами. Замечательно сытно даже без хлеба. Еще было первое на моей памяти возвращение фронтовика. Вернулся родственник отцовских друзей дядя Саня. В одной из атак ему выбило глаз. И все равно его возвращение – праздник. И дождалась его невеста, и была свадьба. На лице невесты – нежность, любовь и забота. Вот такие были женщины.

В феврале 1944 произошла на заводе крупная авария. С небольшим интервалом прогремело два взрыва. Время – пересменок. Две смены большого цеха оказались в их зоне. В нашей комнате из рамы окна выбило стекла. По стене дома с плеском настоящей водной волны ударил воздух. Стекла вылетели так, что их осколки торчали потом из мебели. Между взрывами мама успела нас спрятать за шифоньером.. Отец убежал на завод, мама стала закрывать оконные проемы всем, что было под рукой. Вернулся отец – по правилам режима завод при авариях оцепляется охранным полком и никакие пропуска

недействительны. Прибежала соседка сверху, у них пробит потолок, а на стол упал большой осколок заводской аппаратуры. Хочется напомнить, что от места взрыва до нашего дома больше километра. Звонит телефон, мама оставляет нас в глухом без стекол коридоре и убегает в госпиталь, туда начинают свозить пострадавших. По госпитальному двору мечутся отблески автомобильных фар. Вернувшись, мама рассказывает жуткую историю. Ее подруга, тетя Нюся шла на смену, взрывная волна сбила ее с ног и ударила обо что-то. Очнулась она во дворе госпиталя, у морга, в кузове грузовика с трупами погибших от взрыва, вся в своей и чужой крови. Перевалилась через борт машины, и, хватаясь за стены и заборы, добралась до квартиры. Оттуда нам и позвонила. Мама помогла ей обмыться и перевязаться. Раненые есть и в городе. Их везут в госпиталь еще и днем. К моргу приезжают заводские грузовики с двумя рабочими на подножках. Они стараются в кузов не смотреть, оттуда на дорогу капает кровь. На заводе было разрушено и серьезно повреждено несколько десятков зданий. Отцовский цех вышел из строя полностью, рухнули печи. Рабочих отправили на восстановление разрушенных производств, а инженеров в командировки на другие заводы, добывать оборудование и материалы.

Одна из самых страшных аварий, истинные причины которой так и остались невыясненными, произошла 16 февраля 1944 года. Ее жертвами стали 84 человека (работники заводов № 15 и 309, пожарные ОВПО НКВД завода № 15). В 19 часов 45 минут в нитрационных мастерских цеха № 7 завода №

15, находившихся почти в самом центре Чапаевска, прогремел взрыв огромной разрушительной силы. Через 4, 5 минуты за ним последовал второй. Очевидцы рассказывали, что во многих домах осыпались оконные стекла, вылетели рамы, над заводом стояло огненное зарево, а территория вокруг него была усеяна обломками оборудования. Ударная волна от взрыва дошла до населенных пунктов в радиусе 25 километров. На месте кирпичных зданий, на территории завода, образовались воронки глубиной до 9 метров. В результате аварии возникло 18 вторичных очагов пожаров, продолжавшихся около пяти часов. Помимо взорвавшихся мастерских были полностью или частично разрушены 52 производственных здания.

Отца командировали в Донбасс с главной задачей – разыскать там, на разрушенных заводах, очень специальный материал - фасонный антикислотный огнеупор для колчедановых печей и отправить его в Чапаевск. Ехали всей семьей, так как командировка планировалась длительной, с возможным переходом отца на работы по восстановлению донбасских заводов. До места назначения добирались восемь суток, чем питались, не помню, наверное, ничего вкусного не было. Запомнились пристанционные базары, крайне бедные, на которых мало что продавали. Большею частью шел обмен одного крайне необходимого на другое еще более необходимое. На последнем полустанке перед Лисками (это под Воронежем) я увидел настоящий след войны. На наскоро уложенных путях стояли вагоны, вышедшие из строя во

время боевых действий. Среди прочих мало похожих самих себя до бомбежек и снарядных попаданий, стоял маленький двухосный санитарный с зеленой обшивкой боковых стенок. Кроме этих стенок с красными крестами да прогнутой, изуродованной рамы от этого вагона, ничего не осталось. Стенки были раздвинуты в стороны огромной силой взрыва. Это было прямое попадание бомбы. На станции Лиски, сгоревшие пристанционные здания, а дальше - Дон. Наш вагон медленно движется по мосту, у въезда на который видим зенитчиков. Их пушки можно потрогать рукой из распахнутой вагонной двери. С другой стороны виден лежащий в воде пролет моста встречной колеи. Дальше так и ехали - с одной стороны обычная убегающая от вагонов вниз насыпь, с другой колея, разбомбленная и разобранная. Ни одного уцелевшего здания на вокзалах, развалины депо, блок постов, жилых домов. Всюду на

земле стреляные гильзы, а иногда и целые снаряды, внизу у насыпи разбитые вагоны и паровозы, танки, пушки, автомобили. Наши и чужие. Харьков такой же, только развалины пограндиознее. В куче битого кирпича стояли огромные развалины вокзала, на привокзальной площади скелет почтамта. Жить в таком месте не устроишься. В пригородном вагоне едем к дедушке. Еще одна картина разрушений: сожженный виадук трех дорог, а рядом взорванный многоуровневый мост. Восстановлен пока только легкий мостик нашего направления, остальное перепутанной горой металла лежит внизу. На въезде в поселок подбитый «тигр», на улице странная металлическая лепешка, кто-то из взрослых узнал в ней немецкий штабной полуброневичок. По нему проехала наша «тридцатьчетверка». От многих домов одни развалины. Улице, на которой жил дедушка, тоже досталось. В соседнем одноэтажном пятиквартирном доме относительно целой была лишь одна квартира, следующий дом сгорел полностью. Дедушкин дом и вправду цел! Здесь мы с мамой будем жить несколько месяцев. Отец будет мотаться между Донбассом, где найдет среди развалин все, что нужно, Харьковом, где знаменитый стахановец Кривонос, ныне начальник дороги, выделит ему необходимые вагоны, и Чапаевском, куда все это надо отправлять и сопровождать. Здесь, в дедовском поселке, я пойду в школу, и, как грамотный сразу во второй класс. До сих пор помню многих из тех своих одноклассников, наши утренники, олимпиаду в полуразрушенном клубе соседнего городка, где я читал стихи. И девочку, своего персонального противника по

снежным боем, соседку по санкам при катании с горы, удивительно синеглазую блондинку с довоенным именем Неля. Помню, как взрывали танки. Вокруг было полно разбитой техники. Для переплавки металла их нужно было разобрать. Кранов не было, автогена не было, тягачей нет, зато полно трофейной и нашей взрывчатки. Она прекрасно справляется с разборкой «тигров», «фердинандов» и прочей невосстановимой железной техникой. Взрывы были такие, что школа пошатывалась, словно по волнам плыла. Вечерами после уроков слушаю рассказы деда и тети о жизни при немцах. В школе был небольшой концлагерь, там разместили заложников, в число которых попал и мой дед, который вскоре сбежал и прятался в лесах. Потом там сидели наши пленные танкисты. Их заставляли ремонтировать немецкие танки. Поселок отключили от водоснабжения. Вода шла только на танкоремонтный заводик. Фаянсовый завод немцы разрушили, больницу превратили в госпиталь. Хлеба не было, и тетя уходила с санями за многие десятки километров менять фаянсовую посуду на хлеб и крупу. Так было без малого два года. **Поселок Буды оказался конечным пунктом сражения на Курской дуге, ожесточенные бои вокруг поселка шли восемь дней. Немцы боялись потерять железнодорожную ветку Мерефа – Люботин. Конечно, потеряли они и дорогу, и танки, и жизни. Освобождение пришло с двумя стрелковыми дивизиями 69-й армии. А упоминаемый фарфоровый завод стоял в Будах с восьмидесятых годов XIX века и входил в «Товарищество производства фарфоровых и фаянсо-**

вых изделий М.С.Кузнецов». Отца на Украине не оставляют, отзывают снова в Чапаевск. Прощай, школа и поселковые ребята, не боявшиеся взрывов, прощай Неля! Возвращаемся пассажирским поездом. Это уже 1945 год. Учиться принимают в соседнюю школу №1. Основное помещение школы занято госпиталем, занятия идут в техникуме, в 4 смены. Окна выбиты, отопление плохое, порою замерзают чернила, на уроках сидим в пальтишках, шапках и варежках. Завод выделяет школе 100 граммов хлеба на ученика в день и 100 граммов прессованного повидла из патоки в неделю. Мармелад несудомой, сестренке: она болеет отравилась американским яичным порошком. За городом люди собирают колоски, делают из них муку и крупу. Это очень опасно! В школе мы пишем диктант «Септическая ангина», а дома читаем его родителям. Ребята постарше бьют и жарят на костре воробьев. **«Директору завода 15 от начальни-ка смены Малыгина Н.М. Заявление. Прошу выдать из фондов ОРСа 50 кг. Картофеля ввиду бедственного положения моей семьи». Подпись. Резолюция директора «Выдать тридцать». Начальник ОРСа отказал уже без всякой резолюции.** Документ подлинный, из семейного архива. Завод восстановлен и работает день и ночь. Вокруг него от газов и сточных вод высохли все деревья. Рабочие тротиловых цехов ходят желтые и даже краснокожие. На фронте появилось берлинское направление. Госпиталь полон раненых. Мы, школьники, ходим туда с концертами. Читаю стихи о войне, свои и чужие. После выступлений нас сразу не отпускают, сажают на кровати, суют кусочки сахара.

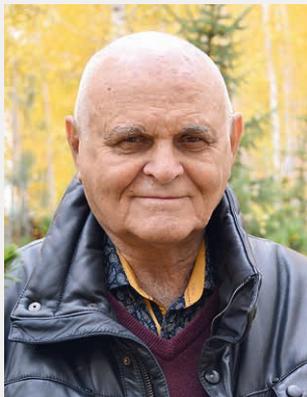
Удивительное волнение, когда тебя гладят по голове единственной рукой.

Май. Взят Берлин! Утром девятого мая просыпаюсь от небольшой ранней грозы. В дверь стучит сосед и одноклассник Валька: - Победа! Победа! Над самыми крышами города летят давно вернувшиеся с фронта У-2 и разбрасывают листовки со свеженапечатанным актом о капитуляции. Неизвестно откуда распространяется призыв «Все на площадь, к ДК!» На Медицинскую выходит маленькая колонна госпитальных врачей и медсестер, с ними идут ходячие раненые, несут госпитальное знамя. Распахиваются ворота завода, и оттуда валит толпа возбужденных счастливых людей. Несут заводские знамена с орденами, несут цеховые. Есть знамя подаренное фронтовиками. Горячие речи, счастливые слезы. На заборы прибивают красные флажки. Вечером салют, цветной и яркий. Наше дело правое, мы победили! Чапаевский завод №15 в период Великой отечественной войны дал фронту 40% всего боевого тротила, здесь оснастили взрывчаткой каждый седьмой снаряд.

День победы и сейчас отмечается всем городом. Впереди колонн несут старые прославленные знамена. Люди идут на кладбище к памятникам красноармейцам, умершим в госпитале, и к памятникам тех, кто погиб в тылу.

Список заводчан, павших на поле боя гораздо короче списка погибших за это время на заводе. Эти последние тоже погибли смертью храбрых. На той же Великой Отечественной. Не все из них лежат в могилах. Многие без следа исчезли в пламени взрывов, навеки став частицами своего завода и города.

ВАЙНГАРТЕН ГЕНРИХ ИОСИФОВИЧ

Вайнгартен Генрих Иосифович родился в 1938 г. Был эвакуирован в Куйбышев вместе с семьей в 1942 г. После войны семья осталась жить в нашем городе. Окончил Куйбышевский строительный институт. Инженер-строитель. Работал в Тресте №24, затем в тресте «Оргтехстрой». Кандидат технических наук, автор ряда технических изобретений. В 2020 году продолжает работать, руководит лабораторией качества «Лактест».

В Куйбышеве я появился в мае 42 года. Мы бежали от немцев. Повторял и не устану повторять, мы не эвакуировались, мы бежали. Весенний город я рассматривал из тележки, в которую меня посадили у здания вокзала. Такси тогда не было. Единственный троллейбусный маршрут проходил от железнодорожного вокзала до площади Революции, насчёт трамвая даже не помню, ходили они или нет. Меня посадили в тележку и неспешно довезли до нужной улицы, - тогда она называлась Ворошиловская. Мне было 4 года, пассажиром был только я, отец шел рядом. Прибыли мы из Керчи - столицы рыбного хозяйства всей страны. Мой отец был специалистом по переработке рыбы. Тут, в Куйбышеве, самая большая река Европы протекает, и рыбу тут тоже ловили. Отец буквально сразу устроился по специальности. Жить мы стали в комнате. Знаете, где сегодняшний кинотеатр «Художественный»? Если войдете в его двор, то увидите эту приютившую нас серую многооконную громаду.

Понятие «квартира» не существовало, было, понятие «комната». Если повезло, в ней жила одна семья. В других случаях соседствовали по две семьи. Наш с папой случай был именно другим. Комната была достаточно широкой - на два окна, ее и разделили длинной занавеской надвое. Появилось у тебя желание сходить в гости к соседям, занавеску приподнял - и ты у них. В длинный общий коридор выходило не менее тридцати дверей. Около каждой стояло помойное ведро.

Детей в доме было много, никто нами не занимался, а энергии было хоть отбавляй. Коридор был предоставлен

нам. Мы бегали, носились, как ненормальные, и, как результат, всегда какое-нибудь ведро сбивали. Кончалось все это скандалом, и мы, притихнув, разбегались до следующего раза. Сейчас и не вспомню, на чем готовили пищу. Поэтому, все-таки, на примусах или керосинках. Кухня была общей. Иногда мне давали особо ответственное задание - нужно было дежурить около кастрюли, в которой варится суп. Почему? Отвернулся, ушёл кто-то, мясо - оп, и перекочевало в соседнюю кастрюлю. Понятно, что не по своей воле. Никто не обижался, просто все знали про это. Еду надо было охранять.

Вы запомнили, соседний с нашим дом был кинотеатром? Там лестница была, если по ней подниматься, то налево вход в кинотеатр, а направо попадаешь в помещения, общие с нашим домом. Так, для того чтобы попасть в кинотеатр, нам надо было из одной двери зайти в другую. Дежурила на входе в кинозал наша соседка. Дальнейшее вам понятно. Фильм «Аршин мал алан» я смотрел ровно месяц. Каждый день. Первый ряд сидений был очень близко от экрана, а нам, безбилетникам, лежащим на полу перед ним, и вовсе головы к потолку надо было задирать. Нас же на платные места не пускали.

Помните, мое знакомство с городом было связано с поездкой на грузовой тележке? С такими тележками вот еще что было связано - отопление в домах было печным, значит, необходимость дров доказывать не надо. Нас с отцом это тоже касалось. Около Троицкого рынка стояли эти самые тележки, на них лежали здоровенные, как мне тогда казалось, мужики, а на их голых пятках химическим карандашом было написано «3». То есть меньше, чем за 3 рубля с кубометра, никто никуда дрова везти не брался. Это мне запомнилось. Эти их голые пятки и 3 рубля. Точнее, три было написано без рублей.

Сейчас спуск ул. Некрасовской к Волге благоустроен. Во время войны в воде под спуском стояли наполовину притопленные баржи. Свое они уже отплавали и дослуживали свой последний срок в качестве рыбных садков. В те времена рыбы в Волге было много, и разной. Стерлядь или осетрина у рыбаков были всегда. Нужна стерлядь? Пожалуйста. Внутри баржи - садка опускается сачок,

короткое движение - и будущая уха у вас в руках. С вас 1 рубль. В тех деньгах это вообще ни о чем, если они есть.

Постоянное стояние в очередях за хлебом меня минуло ввиду возраста и крайней худобы. Во дворе здания, где сейчас Институт связи, был магазин, в котором отоваривались хлебные карточки. Мне, как ребенку, было положено 300 граммов белого хлеба. Строго на такие порции буханку разрезать сложно, и продавцы довешивали до нормы маленькими кусочками. Кто из очереди был постарше, тот требовал пайку без довесков. Эти кусочки доставались мне. Я не возражал. Медленным шагом до дома было всего ничего, но, пока доходил, хлеб кончался. Съедал я его. Дома с меня за хлеб не спрашивали.

Из детских игр больше всего запомнился футбол. Ниже к Волге проходила ул. Обороны, по ней машины ездили не часто. Брались кирпичи, ими обозначались ворота, и игра начиналась. Играли до потери сознания. Любая погода по-моей нам не была.

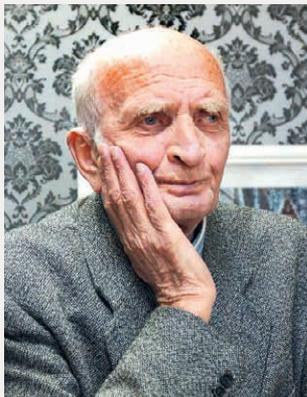
День Победы? Это было рано, реально, в 5 утра. Меня отец разбудил. Сынок, Победа! Выбежали на улицу, а около кинотеатра «Молот» люди вешают плакаты «Мы победили!». Улица Куйбышева вся заполнена. Мне уже 7 лет, отец меня гладит и говорит: «Ну вот, сынок, теперь будем жить лучше».

По тем временам мне родители казались страшно старыми. Родителями я называю отца и мою родную тетю, заменившую мне маму. А они, оказывается, были страшно молодыми.

Моей дочке, Аньке, скоро будет 50 лет. Маме тогда 41 год был, когда ее немцы расстреляли.

КОЖИН БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ

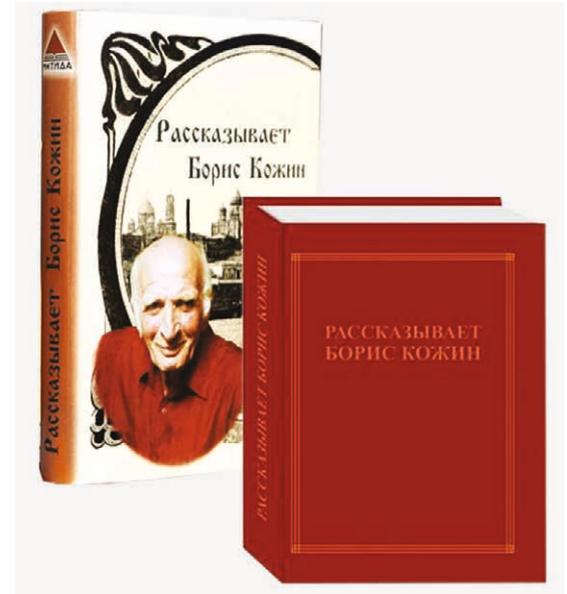
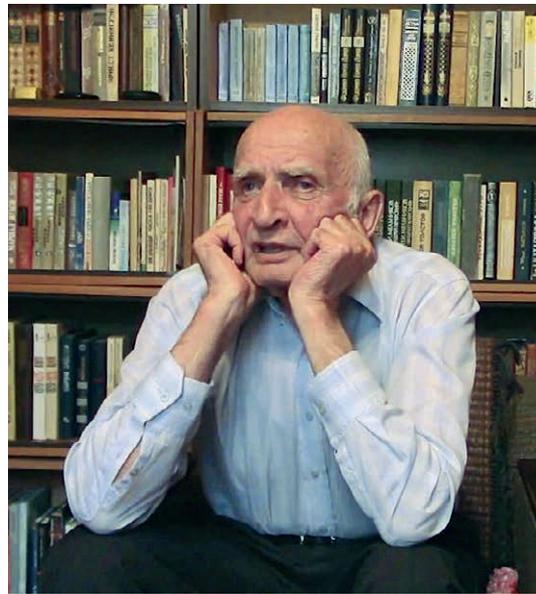

Кожин Борис Александрович родился в г. Куйбышеве в 1938 г. Отец погиб на фронте, в годы Великой Отечественной войны жил в Куйбышеве вместе с матерью и братом. Окончил Куйбышевский государственный педагогический институт. Большую часть жизни работал главным редактором Куйбышевской студии. Автор сценария более чем 40 фильмов. Член Союза кинематографистов России. Автор книги «Рассказывает Борис Кожин» изд. Метидра 2013 г.

Мне уже много лет, и, однажды, у меня кто-то из журналистов спросил: самое главное событие в вашей жизни. Подумайте и скажите. Я сказал, мне думать ничего. Самое главное мое воспоминание - это война. Война. Я - ребенок войны родился в 1938 году. Когда началась война, мне было три года, и родился я совсем в другом городе. Это мало кто понимает. Небольшой, провинциальный город Куйбышев, никакой Самары. Был Куйбышев с населением в 390 тысяч человек. Это цифра за июнь 1941 год. Никакого асфальта, кроме двух улиц. Кроме Куйбышевской от площади Революции и улицы Льва Толстого. По этим улицам троллейбус ходил, остальные были замощены камнем. Мы жили угол Некрасовской и Самарской, большой дом, первые ворота от угла в сторону Льва Толстого. Самарская 85, квартира 10. Семья состояла, если по старшинству, из бабушки, мамы и нас с братом. Брата звали Яков. Его уже нет. Мы были прикреплены к магазину. Сейчас это факт мало кому понятный и памятный, но с осени 1941г. в нашем городе была введена карточная система. И мы были прикреплены к определенному магазину. Мама была врачом, и как служащая, она была прикреплена к магазину, который был на Ленинградской улице. Он стоял прямо напротив книжного магазина. На талонах было напечатано количество товара, положенное данной категории трудящихся, и на какой срок. Сколько хлеба в месяц, сколько хлеба в неделю, сколько сахара, сколько лапши, сколько подсолнечного масла. Нормы, по здравому рассуждению, были мизерными. Карточки строго учитывались, и, в случае утери,

не восстанавливались. Если ты потерял эти карточки, то голодал. У работников наркомата внутренних дел был свой магазин. Это на углу улиц Ленинградской и Самарской, его и сейчас порою называют «милицейским». В доме на углу Молодогвардейской и Льва Толстого действовал «генеральский» магазин. Там только высшие чины нашей армии получали продукты, они тоже были прикреплены. Анекдот того времени, я его помню с тех самых пор. Один мальчишка говорит другому: здесь в Самаре, если будет землетрясение, вот там где Жигули, мы с тобой не упадем. Тот говорит: почему? А потому что мы с тобой прикреплены к магазинам. Уплотнение. Вот об этом надо сказать обязательно. А к еде мы потом вернемся. Что такое уплотнение? Только началась война, стали по квартирам ходить специальные комиссии. Осмотр проводился на предмет выявления излишков жилой площади. На каждого проживающего в данной квартире предусматривалось определенное количество квадратных метров. Это количество умножалось на число проживающих и делалось однозначное и обязательное к исполнению заключение. Все понимали вынужденность этой меры, но мало кто ей был рад. В город каждый день прибывали эвакуированные заводы со своими рабочими, институты и учебные заведения поменьше. Приезжали они с учащимися и преподавателями, да и беженцев хватало, хотя Куйбышев уже тогда был городом закрытым и остаться в нем жить, надо было очень постараться. В городе надо было срочно разместить руководство страны, штабы и другое военное руководство, театральные труп-

пы, дипломатические представитель-
ства стран дружественных и не очень.
Многие приезжали с семьями. Многие,
работавшие в аппаратах управления
промышленностью и служащие на вы-
соких должностях в армии присылали в
Куйбышев свои семьи. Лучше квартиры
отдали дипломатам. Вы давно были на
Безымянке. В 1941 году Безымянки не
было. Никакой. Это же был полустанок.
Сарай, и лампочка на 15 свечей. Поезд
ходил. Он останавливался там на три
минуты. Прекрасная охота на зайцев,
поля. Садись в Куйбышеве и ехали
туда, на Безымянку. На 3 минуты поезд
остановится утром, спрыгнул, вечером
обратно идёт, надо запрыгнуть. Какой
смысл давать этому сараю с пятнадцати-
свечевой лампочкой название? Так, без
имени и была. В 1967 году в Куйбышеве
уже один миллион человек проживал.
Вот темп роста населения в нашем го-
роде. Безымянка за это время огром-
ным районом стала. А название оста-
лось, как часть памяти. До сих пор там
есть улицы, обязанные своим названи-
ем именам далеких от Волги городов.
Как думаете с чего бы это? Это заводы
из Воронежа туда были выселены. Это за-
воды из Краснодарска туда были высе-
лены с Украины. Сначала это и не улицы
были, а лагеря с палатками, землянками
и временными бараками. Уплотнение.
Пришли и к нам. А у нас много народа
жило. Маленькие две комнатки. Суме-
ла приехать, выбраться из блокадного
Ленинграда моя тетья с мужем и ребен-
ком. Я уже говорил, что по продуктовым
карточкам нормы у нас в городе были
небольшими. Но мы пировали по срав-
нению с блокадным Ленинградом. Там
просто умирали от голода. Вот что та-

кое война, и мы это хорошо понимали. Получилось на две комнаты семь человек – тетья с семьей, мы с мамой и братом, бабушка, а тут ещё окотилась кошка, и котятя бегали. Комиссия пришла, посмотрела и пришла к заключению, что уплотнению наша жилплощадь не подлежит. Мама работала в лаборатории знаменитой детской поликлиники № 1. Приходила поздними вечерами. Персонал поликлиники каждый день дежурил на вокзале. Они осматривали проходящие поезда и снимали с них больных детей. Больных и оголодавших, таких которые по состоянию здоровья никуда уже не доедут. Снимали с поездов и привозили в свою поликлинику и в свои квартиры, кто мог, конечно.

На наш город не упало ни одна бомбы. Низкий поклон всем, кто был связан с противоздушной обороной города. А бомбоубежища были, я там не раз побывал. Потому что налеты были. Это я потом узнал. Наше бомбоубежище было в ТЮЗе, в старом здании Театра юного зрителя, Самарская 95, через четыре дома от нашего. Взрослые по

очереди дежурили на крышах. Так, как защищали небо над нашим городом, не защищали, можно сказать, ни один город. Может быть, только Москву.

Теперь про еду: нам, маленьким детям, полагалось по булочке, вот по такой крошечный булочке, вот по такой. Называлось это УДТ. Усиленное дополнительное питание. Мама мне, уже после войны рассказывала, как они шутили в поликлинике по поводу УДП. Говорили, что это не усиленное дополнительное питание, а «умрешь днем позже». На Троицком базаре, можно было всё купить. Цены я хорошо помню. Например, кирпичик чёрного хлеба, который в рот брать страшно стоил 120 руб. Захотелось белого, готовь рублей 250 – 300, а это почти месячная зарплата служащего. Было о чем подумать, если карточки терялись.

В школу я пошел в сорок пятом году. После уроков наша учительница, Антонина Венедиктовна Прожизецкая, оставляла всех, и мы списывали домашние задания с доски. У нас на весь класс был единственный учебник по арифме-

тике. Я учился сначала в школе с девочками. Это школа № 66 она здесь рядом была, на ул. Фрунзе, сейчас там областная станция юных техников.

О чем сейчас дети мечтают? Мы с братом мечтали, что мама нам пирожное купит, да и велосипед был бы кстати. У моего приятеля, Вовки Зайцева, был такой, от старшего брата остался. А мама говорила, что вот кончится война, куплю. Не знаю, о чем думал Сталин, Жуков, Гитлер, но мы точно с Яшкой были уверены: война кончится, мы обязательно победим, потому что нужно нам пирожное, потому что нам нужен такой же трехколесный велосипед, как у Вовки. Игрушек у нас не было никаких. В футбол мы играли старыми консервными банками или мячиками свернутыми из старых чулок и тряпья. А игрушек мы не просили. Мы понимали, что идет война. Мы были другими детьми. Мы быстро повзрослели. Мы были взрослыми детьми. Мы видели страдание. А человека делает человеком, прежде всего, страдание, прежде всего, горе. Подумаешь, пирожное или трехколесный вело-

5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
Сент.													
30	30	29	29	28	28	27	27	26	26	25	25	24	24
Белый хлеб	Ржан. хлеб												

ЛЕНИНГРАДСКИЙ СОЮЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ

Хлебный абонемент № 39693

на 5 пайков на СЕНТЯБРЬ 1933 г.

Фамилия _____ М. П. _____

Адрес _____

Председатель Правления ЛСПО *Олинько*

5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
Сент.													
22	22	21	21	20	20	19	19	18	18	17	17	16	16
Белый хлеб	Ржан. хлеб												

14. УПОИ ам. г. Чугоры. Зав. № 2061-1-1000.

14 сент. ХЛЕБ 500 г.	15 сент. ХЛЕБ 500 г.	16 сент. ХЛЕБ 500 г.	17 сент. ХЛЕБ 500 г.	18 сент. ХЛЕБ 500 г.	19 сент. ХЛЕБ 500 г.	20 сент. ХЛЕБ 500 г.
14 сент. ХЛЕБ 200 г.	15 сент. ХЛЕБ 200 г.	16 сент. ХЛЕБ 200 г.	17 сент. ХЛЕБ 200 г.	18 сент. ХЛЕБ 200 г.	19 сент. ХЛЕБ 200 г.	20 сент. ХЛЕБ 200 г.
15 сент. ХЛЕБ 200 г.	16 сент. ХЛЕБ 200 г.	17 сент. ХЛЕБ 200 г.	18 сент. ХЛЕБ 200 г.	19 сент. ХЛЕБ 200 г.	20 сент. ХЛЕБ 200 г.	20 сент. ХЛЕБ 200 г.

Рабочий

КАРТОЧКА НА ХЛЕБ

на СЕНТЯБРЬ 1943 г.

НОРМА 800 ГР.

Ф. и. о. _____

При утере не возобновляется

№ 1 НОЯБ. МАСЛО 100 гр.	№ 3 НОЯБ. МАСЛО 100 гр.	№ 5 НОЯБ. МАСЛО 100 гр.	№ 7 НОЯБ. МАСЛО 100 гр.	№ 8 НОЯБ. МАСЛО 100 гр.	№ 4 НОЯБ. САХАР	№ 6 НОЯБ. САХАР
№ 2 НОЯБ. МАСЛО 100 гр.	№ 4 НОЯБ. МАСЛО 100 гр.	№ 6 НОЯБ. МАСЛО 100 гр.	№ 7 НОЯБ. МАСЛО 100 гр.	№ 8 НОЯБ. МАСЛО 100 гр.		
№ 1 НОЯБ. РЫБА и РЫБОПРОД. 300 гр.	№ 2 НОЯБ. РЫБА и РЫБОПРОД. 200 гр.	№ 3 НОЯБ. РЫБА и РЫБОПРОД. 300 гр.	№ 4 НОЯБ. РЫБА и РЫБОПРОД. 200 гр.	№ 5 НОЯБ. КРУПА и МАКАРОНЫ 200 гр.		
№ 6 НОЯБ. КРУПА и МАКАРОНЫ 200 гр.	№ 8 НОЯБ. КРУПА и МАКАРОНЫ 200 гр.					

КАРТОЧКА

на САХАР и кондитерские изделия — МАСЛО животное и растительн. — 800 гр. РЫБУ и РЫБОПРОДУКТЫ — 1000 гр. КРУПУ и МАКАРОНЫ — 2000 гр.

на НОЯБРЬ 1941 г.

Фамилия _____

Имя, отчество _____

При утере карточка не возобновляется А

1д январь ХЛЕБ 300 гр	2д январь ХЛЕБ 300 гр	3д январь ХЛЕБ 300 гр	4д январь ХЛЕБ 300 гр	5д январь ХЛЕБ 300 гр	6д январь ХЛЕБ 300 гр	7д январь ХЛЕБ 300 гр	8д январь ХЛЕБ 300 гр	9д январь ХЛЕБ 300 гр	10д январь ХЛЕБ 300 гр	11д январь ХЛЕБ 300 гр
22д январь ХЛЕБ 300 гр	21д январь ХЛЕБ 300 гр	20д январь ХЛЕБ 300 гр	19д январь ХЛЕБ 300 гр	18д январь ХЛЕБ 300 гр	17д январь ХЛЕБ 300 гр	16д январь ХЛЕБ 300 гр	15д январь ХЛЕБ 300 гр	14д январь ХЛЕБ 300 гр	13д январь ХЛЕБ 300 гр	12д январь ХЛЕБ 300 гр

КАРТОЧКА НА ХЛЕБ

на январь 1942 г.

Норма 400 гр в день

ЛЕТСКАЯ

Фамилия _____

Имя, отчество _____

При утере карточка не возобновляется

22д январь ХЛЕБ 100 гр	21д январь ХЛЕБ 100 гр	20д январь ХЛЕБ 100 гр	19д январь ХЛЕБ 100 гр	18д январь ХЛЕБ 100 гр	17д январь ХЛЕБ 100 гр	16д январь ХЛЕБ 100 гр	15д январь ХЛЕБ 100 гр	14д январь ХЛЕБ 100 гр	13д январь ХЛЕБ 100 гр	12д январь ХЛЕБ 100 гр
1д январь ХЛЕБ 100 гр	2д январь ХЛЕБ 100 гр	3д январь ХЛЕБ 100 гр	4д январь ХЛЕБ 100 гр	5д январь ХЛЕБ 100 гр	6д январь ХЛЕБ 100 гр	7д январь ХЛЕБ 100 гр	8д январь ХЛЕБ 100 гр	9д январь ХЛЕБ 100 гр	10д январь ХЛЕБ 100 гр	11д январь ХЛЕБ 100 гр

344. 3073.

№ 1 август РЫБА—МЯСО 50 гр	№ 2 август РЫБА—МЯСО 50 гр	№ 3 август РЫБА—МЯСО 50 гр	№ 4 август РЫБА—МЯСО 50 гр	№ 5 август РЫБА—МЯСО 50 гр	№ 6 август РЫБА—МЯСО 50 гр	№ 7 август РЫБА—МЯСО 50 гр	№ 8 август РЫБА—МЯСО 50 гр
----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------

КАРТОЧКА

на МЯСО—РЫБУ

август 1942 г.

Норма 400 гр в месяц

ЛЕТСКАЯ

Имя и отчество _____

При утере карточка не возобновляется

ГЕ21976. Зав. 338а.

сипед. А потом мы и этого не просили, когда в школу пошли. Есть такой фильм «Два бойца», там играют знаменитые актеры - Бернес и Андреев. Они попали в блокадный Ленинград, в бомбоубежище, в общежитие. К ним подходит маленькая, лет пяти, девочка, потому что они в военной форме. И спрашивает: Как там, на фронте? Камера держит ее грустные, совершенно взрослые, измученные глаза. И эти двое понимают, ей надо отвечать, как взрослому. Масса людей, поверьте мне, приходили смотреть фильм. Не потому что он шёл долго во всех кинотеатрах, и не только потому, что там играли эти актёры, не только для того, чтобы послушать «Шаланды, полные кефали», или «Тёмную ночь», которые исполнил Бернес, но чтобы посмотреть в глаза этой девочки. Они завораживали. Они были глазами мудрого, хорошо пострадавшего человека. И они ей отвечают, отвечают взрослому человеку. Вот это и есть война. Это и есть мы в Куйбышеве.

Нам было не до дипломатов. Нам было не до запасной столицы. Мы здесь жили, и дел у нас было полным-полно своих. У нас, у мальчишек, у детей войны. Нам надо было перед уроками в 45 - 46 году успеть побывать на Троицком рынке. Бабушка нас туда посылала с ведрами. Чем мы там торговали? Мы торговали кожурой от картошки. Потому что во многих дворах были козы. Их этими отходами кормили. Бабушка нам говорила: Вот это ведро за 12 руб., а здесь похуже, это за 8 руб. надо продать. Уроки сделали, идите на базар. И вот там мы стояли и продавали. И не только мы, таких много мальчишек было. Нам было надо те кожурки продать. Обязательно.

Хочу рассказать про огород в Липягах. Оставить нас дошколят было не с кем, и мама нас брала в Липяги. До Кряжа на поезде, а потом часа два идти пешком. А мы - крошечные дети. «Мама, поймай кузнечика». Она нам ловит кузнечика. Он моментально от нас убежал. «Мама, кузнечик убежал». Она нового кузнечика ловит. А когда идёт оттуда? Что было на огородах? Да три вещи. Картошка, тыквы и фасоль. На них и жили. Бабушка наша родом с Украины, убежали они оттуда 1920 году, от еврейских погромов. С русской печкой, что у нас была, бабушка с юности на «ты» была, и готовила она изумительно. Я до сих пор не люблю тыкву. Наелся. У нас один год однажды было 264 тыквы. Они лежали везде, заняли все углы, забились под кровати, под окнами лежали. Их надо было хранить и беречь. А самое трудное, это привезти тыквы домой.

8 мая 1945 года. А я в детсаду. В старшей группе. 12 мая мне исполнится 7 лет, осенью пойду в школу, а пока весь в ожидании дня рождения. Мы обедаем. Столики стоят во дворе нашего детсада. Ул. Самарская, 51. Ждем санитарку с горячим супом. Смотрим, она идет, несет кастрюлю, а лицо в слезах. Донесла до стола, на котором суп нам по тарелкам разливали, поставила и говорит: «Война кончилась» «Победа!». И как все заорут, как все заплачут, как все закричат, и к ней: откуда ты знаешь? Шел по улице военный, вероятно из выздоравливающих, у него рука на перевязи, шел, и, открывая все двери подряд, говорил «Победа!». Тот военный дальше пошел. Я сидел уверенный, что вот приду сегодня домой, а там папа, с фронта вернулся. Война то

ведь кончилась. Воспитатели нас после обеда по кроватям рассовали, а сами за стенкой рыдают. Мы не спим. Когда «мертвый час», как называли это время дня, кончился, нам на полдник дали по кусочку черного хлеба и несладкого чая налили. Утром 9 мая об окончании войны и полной победе нашей армии объявили по радио. Голос Левитана за годы войны стал близким и родным. Все эти годы мы слышали его. Каждый день оживала висящая на стене невыключаемая черная тарелка радиоточки. Мы ожидали этот голос, годы жадно вслушивались, жаждали именно этих слов. Услышали и окончательно поверили в выстраданное. Все вышли на улицы. Мама убежала давать всем поздравительные телеграммы. По городу шел народ. Смеялся и плакал. Около нашего дома толпа перестроилась в колонну и все пошли на вокзал. Зачем? Поезда встречать, уверенность была, что придут сегодня поезда, придут всенепременно. И привезут тех, кто брал Берлин. Погода была изумительная, лишь ближе к вечеру прошел небольшой дождик. 10 мая тоже ждали. И после. Прошел день рождения. Мы с братом больше не спрашивали не о пирожном, ни о велосипеде.

Куйбышев - это удивительный город. Вторая столица, столица эвакуации. Скольких он спас, скольких прижал к груди, скольких вынянчил и поставил на ноги. Сколько пережил этот город. Другим городам присваивали громкие звания. Наш об этом и не заикнулся ни разу. Может отдыхал? Отдыхал от напряженного труда. Он заслужил Победу. Он не работал на нее, он на нее пахал. Это я знаю точно.

КОСТРЮКОВ ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ

Кострюков Евгений Викторович родился в 1938 г. Был эвакуирован в Куйбышев вместе с родителями. Окончил Ленинградское суворовское военное училище, а затем – Ленинградский институт авиационного приборостроения. Был распределен на завод «Экран». В 1965 году перешел на преподавательскую работу. Преподавал в Куйбышевском авиационном институте и вплоть до пенсии в Ленинградском радиополитехническом техникуме.

Помнить начало войны не могу, мал был. Память полна пересказов родителей, с уточнениями и дополнениями разных времен и по разным поводам. Родился я в 1938, в городе Свердловске. Отец был офицером правительственной связи, что -то по линии аэродромов, что-то связанное с работой народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ СССР). Отца переводили из города в город часто, и семья успела до начала войны пожить в Минске. Летом 1941г. мы проживали в Кишиневе. Мама была беременна моим младшим братом. Отец в это время руководил аэродромной связью. Все время хочу узнать, почему его не репрессировали тогда, после первой разгромной бомбардировки кишиневского аэродрома? Наши самолеты остались на земле. Не было приказа взлетать и дать бой. Не верили, что это всерьез и надолго, боялись, как тогда говорили, поддаться на провокацию. Отец остался на службе и дожил до 98 лет. Немцы разбомбили тогда и город. Все, кто мог и имел желание, и военные, и гражданские, стали вывозить свои семьи. Вокзал. Нас, беременную на последних днях маму, меня в одной руке, в другой руке моя старшая сестра, пытаются посадить в эшелон, который отправлялся в Москву. Вокруг кипит обезумевшая толпа. Маму с сестрой как то сумели пропихнуть в вагон, а я уже не помещался. Сам этого не помню, но меня совершенно точно пропихнули в вагонное окно. У мальчишек ведь так: голова пролезла, значит, и сам пройдет. Самое страшное было на следующее утро или через одно. Налетели немецкие бомбардировщики. От поезда осталось лишь половина состава.

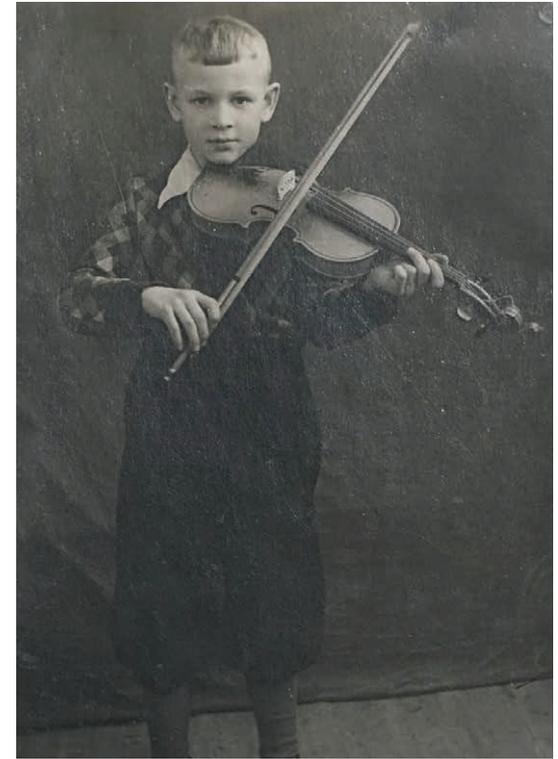
Остальных разбросало. Это случилось за три дня до родов, 27июня 1941г. 30-го числа маму поместили в роддом, а нас с сестрой раздали в разные детские дома. Она родила и сразу о нас стала узнавать. Только выписалась из роддома, это было в Тушино, как его разбомбили. И меня и сестру мама искала по всей Москве. Машину ей выделили, офицер ее сопровождал. Без малого сорок детских домов и распределителей объездили, пока нас нашли. Снова на поезд и уже в Куйбышев. Как семье воюющего офицера, дали нам квартиру на ул. Ленинградской, там до конца войны я и прожил. Сначала был детский сад. Клуб им. Дзержинского. Этот клуб многое определит в моей судьбе. В детском саду, и после, я прошел по его комнатам и коридорам все кружки, участвовал во всем, в чем позволяли возраст и время. Там я пошел в музыкальную школу. Пианино дома еще не было, и, отучившись в школе на инструменте, я приходил и разучивал гаммы на нарисованных на бумаге клавишах. Пианино было приобретено случайно. Город был полон раненых, все дворцы культуры были отданы под госпитальные отделения, из этих помещений выносили все временно ненужное. Клавдия Ивановна, не возьмешь ли пианино? Взяла. Взяла!! Клуб им Дзержинского, каждый день кино. Сколько раз вы смотрели «Чапаева» или «Сердца четырех»? Я - раз сто! Были и детские фильмы, были и кинокомедии. Чаще всего мы, мальчишки, пробирались на фильмы с военной тематикой. С упоением пересматривали «Александр Невский» и «Валерий Чкалов», «Суворов» и «Богдан Хмельницкий». Знали все в них наизусть, а потом еще и пере-

сказывали друг – другу. И, конечно, ждали, что в этот раз Чапаев доплывет до берега, и в других фильмах с героями ничего страшного не случится. А в год окончания войны и мы, и все взрослые, были в восторге от фильмов, снятых на родине союзников -Америке: добро-го и грустного мультфильма «Бэмби», комедии «Тетка Чарлея» и «Сестры его дворецкого», где героиня пела русские романсы. Квартира была двухкомнатной коммуналкой. Большая кухня. Стол на ней можно было сдвигать, а под ним пряталась большая чугунная ванна. Так что удобства были. Комната была длинная, как вагон. Мать на бесконечной работе. Пока Сталин в Москве не заснет,

все не спят, работают. А засыпал он в два, а то и в три часа ночи, тогда и мама с работы приходила. Было и нее одно послабление, отпускали ее с работы с 6 до 8 вечера. Приходила, кормила нас, грязное стирала, порванное пришивала, подлатывала и снова на работу. Работа ответственная, нервная, с документами строжайшего учета. Первый отдел в комитете государственной безопасности, начальник отдела. Воспитанием занималась старшая сестра. Она и читать учила и писать. Сама на одни пятерки училась, на золотую медаль шла. И еще она все время болела туберкулезом. Потом медаль она получила, в свое время. Напротив нашей квартиры, через

лестничную площадку, полковник жил. Мне потом мама рассказала, что был он начальником тюрьмы при их комитете. В этой тюрьме и подследственные содержались, и приговоры «к высшей мере социальной защиты» приводились в исполнение. Приходил он после этого мрачный и пьяный. Часто мы его пьяным видели. В нашем дворе была большая «сушилка», огромная, метров 40 на 40.Наверху белье сушили, простыни, а в землю уходили подвалы. У каждой семьи свой подвал, в них картошка да соленья, на каждой дверки два, три замка, это чтобы посторонние не вскрыли, не обворовали. Эта «сушилка» тоже к детским владениям относилась,

ПЕККЕР ГАЛИНА ИСАЕВНА

*Пеккер (Янюшкина) Галина
Исаевна родилась в 1935 г.
в Куйбышеве.*

Отец погиб на фронте в 1941 г.

*В 1953 году окончила школу №15,
затем поступила в Куйбышевский
плановый институт*

по специальности «экономист».

*С 1958 г. работала в 6-м Управлении
Совнархоза. В 1959 г. перешла на работу
экономистом в Трест механизации и
строительных работ №1.*

*Завершила трудовую деятельность
начальником планового отдела
З СУМР в 1993 г. За многолетний
и добросовестный труд награждена
медалью «Ветеран труда».*

Из роддома меня принесли в большую светлую комнату, разделенную занавеской по длине на две части. Одну половинку занимали мои родители, вторую - семья сестры моего папы, Марии Борисовны с двумя дочерьми. Мама работала фармацевтом в аптеке, что была на углу улиц Ленинградской и Фрунзе. Из той комнаты на ул. Садовой 103 мне запомнились лишь кровати, мамина - с блестящими шишечками в изголовье и наши с братом железные, солдатские. Еще одно светлое воспоминание – катание на велосипеде. Комната длинная и, за счет перегородки, узкая, велосипеду там не развернутся, доехав до конца помещения, нам приходилось вместе с ним падать на пол. Так бывало по нескольку раз, всегда с шутками и смехом. Перед самой войной переехали на другую квартиру на ул. Кооперативной 102, к бабушке. Это сейчас ул. Молодогвардейская. Началась война. Папа ушел на нее в июле. В августе нам сообщили, что он погиб. В военкомате сказали, что подразделение отца и до фронта не доехало. Курсы бойцов они прошли, погрузили солдат в вагоны и отправили в действующую армию. Мало кто из того поезда выжил. Разбомбили немецкие летчики на подъезде к г. Смоленску. Где отец был похоронен неизвестно, понятно одно, что в братской могиле. Когда мы об этом узнали, мама устроилась работать на завод, как тогда говорили, заменила ушедшего на фронт мужа. Папа до войны работал на небольшом предприятии от фабрики им. Володарского, где делали утюги и швейные машины для основного производства. Фабрика была ведомственной, вела пошив необходимого в армии обмундирования.

Для нужд фронта фабрика начала выпускать телогрейки, их тогда называли фуфайками. Эти телогрейки согревали не только солдат на фронте, но и работников фабрики. Цеха если и топились, то плохо, и швеи, оставаясь там ночевать, укутывались в свои изделия. Каждый мамин приход был маленьким праздником. На свои карточки она получала продукты и приносила нам. Щипчики для сахара я храню до сих пор. Помню эти куски, не пиленый сегодняшний рафинад, а именно куски, плотные, твердые, желтовато-серые, большие комки. Щипчиками нужно было их расколоть так, чтобы получились одинаковые порции. Эту «операцию» проводила мама. Она шутила, что работа с аптечными весами научила ее точности. Бабушка помогала мне учиться с самого первого дня, ей приходилось рисовать нужные первоклашкам линии на использованной писчей бумаге. Бумагу приносила с работы мамина сестра. Она работала бухгалтером. Приносила оттуда использованные счета с чистыми обратными сторонами, которые после бабушкиной доработки становились тетрадами в клеточку или косую линейку. Писали мы перышками, старательно нажимая на ручку в нужных местах. Боковые стороны букв нужно было писать жирными, а плечи делать тонкими. Учились писать аккуратно, без помарок. Это называлось чистописание. Типографская тетрадка по этому предмету была недостижимым образцом для подражания. Чернила мы приносили из школы, нам их наша первая учительница, Екатерина Кузьминична Кадырова, наливала в непроливайки, так чернильницы тогда назывались, мы их в специальных мешочках с собой

носили. Как ни старайся, пусть она и непроливайкой звалась, а пальцы все равно в чернильных пятнах были. Электричество в жилых домах отключили, и домашние задания, среди прочих дел, выполнялись при свете керосиновых ламп. Только поначалу и этих ламп не хватало. Выходили из положения следующим образом: керосин наливался в железную баночку, сверху клали жестяной кружок с дырочкой и уже в нее вставляли веревочный жгутик, который и горел. Свет получался неровный, но это был единственный свет. На каждые пять семей в нашем доме, в конце коридора была крохотная кухонька. Жили мы на втором этаже. Дом кирпичный. Комната 15 кв. м на два окна, в углу печь голландка. Дрова выдавали на заводе, как семье погибшего, бесплатно. Колотые, но почему-то всегда мокрые, и они без керосина загораться не хотели. На прогрев всей комнаты дров не хватало. Картошка спасала, но ее надо было еще вырастить. Заводу выделили участок земли в Липягах. Работниц с семьями рассаживали в грузовые машины и отвозили на делянки. Посевной картофель был мелкий, да и урожай собирали таким же. Не умела мама растить этот овощ. Тыквы, которые мы сажали по краям участка, вырастали вполне приличных размеров, а картофель не удавался. Варили его для пущей экономии в «мундире», бабушка этот способ еще называла «в шинели». Прямо с «шинелями» и ели. Тыквы резались, и на чугунной сковородке отправлялась в печку, где запекалась до корочек с дымком. Не было в те времена ничего вкуснее. Часто бездетные соседи давали нам свои овощи. Спасибо им большое и царствие

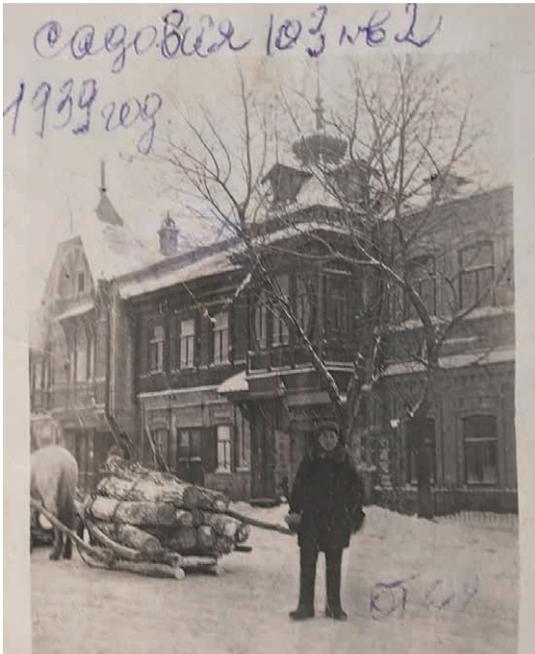
им небесное. Хлеба не хватало, и мама меняла на него полученную за работу крупу. Когда мой дядя узнал о гибели брата, приехал, помогал нам. Меня он устроил в музыкальную школу по классу скрипки. Слух у меня, как там сказали, был абсолютный. Инструмент пришлось взять в аренду, и дядя присылал для этого деньги из своего далекого Ташкента. Мама, какое-то время, за учебу платила, а потом стала на эти средства хлеб покупать. Скрипку у меня забрали. Остался висеть на стене пустой футляр, в котором я носила инструмент в школу. Этот футляр мне сшила бабушка, она же на руках сшила всю мою одежду. Много было из лоскутков собрано. Пестро, но тепло, и мне нравилось. Я казалась себе нарядной. Мыться ходили всей семьей в баню на ул. Ульяновской. Мыло было редкостью. В бане мы мылись принесенной с собой печной золой и еще глиной. При входе в баню была огромная гора из глины. Ее сгребали в тазики и шли мыться. Размешаешь глину водой и на голову эту жижу, и втирать надо было. Не поверите, но волосы от глины становились шелковистыми и блестящими. Даже мои толстые роскошные косы промывались. Потом бабушка помогла мне их расчесать, ну точнее это я ей немного помогала. А золу сыпали на мочалку и терлись. Вещи стирали на кухне, по очереди, загодя объявляя о намеченном мероприятии. Иначе на нашей кухоньке не развернуться было. Белье кипятили, в чем у кого было, чаще всего в обрезанных железных бочках. На кухне стоял пар.

Однажды пришло письмо, адрес наш, а имя и фамилия адресата не совпадают. Письмо для Кати, а мама у нас Елена.

Мама прочитала, писал солдат с фронта. У него вся семья погибла под Ленинградом. Жаловался, что писать ему некуда, а письма получать хочется. Все вокруг получают, читают вслух, просил написать ему. Мама и ответила. Написала про себя, про нас, про житье наше, послала нашу фотографию. Пришел ответ. Писал, что фотографию всем окопом рассматривали, да не одному разу. Потом он и сам заехал проездом в Тоцк, куда его с фронта на учебу послали. Спал на полу, больше негде было. Потом он нам паек свой офицерский присылать стал. С нарочными из его части. Они тоже в Оренбург, в Тоцкую учебную часть проезжали через Куйбышев. Он им адрес наш давал и посылку. Как вспомню те посылки, так во рту вкус появляется американского яичного порошка и тушенки, и других консервов. Помог нам жить. Погиб он позже, уже в Польше, а это было в 1942 г.

Город запомнился темным, с заклеенными бумагой крест - накрест стеклами. Заканчивался он на Полевой. Дальше города не было. Ходил трамвай №1, шел по ул.Фрунзе, выходил на Красноармейскую и уходил из города. Там была его самая главная остановка – завод им. Масленникова. Мамин брат рассказывал, что на этом месте издавна был ипподром, потом площадку отдали под трубочный завод. Дядя сам на нем работал. Продукция завода шла на фронт.

По ул. Некрасовской шел народ, и все кричали – Победа, Победа! Мама распахнула окно, подвела нас с братом к нему. Долго мы так стояли, обнявшись, а мама плакала. Может быть, думала, что отец вернется, верила в это. Не вернулось. Она так и не вышла замуж. Поклонники были. Но нет.

Детство в запасной столице

Я посмотрела фильмы о том, как дети жили в годы войны. Пожилые люди, которые во время войны были ещё совсем маленькими, поделились со мной своими воспоминаниями. Больше всего меня тронуло то, как долго люди надеялись и ждали своих родных. Даже если они были совсем младенцами, когда их отец уходил на войну. Увидев солдата, они верили, что это их отец.

Дитрова Алина, 4 класс

История моей семьи

Моя прапрабабушка, Меликян Антонина Николаевна, жила в городе Ленинграде. Во время Великой Отечественной войны она работала в эвакуационном госпитале старшей санитаркой. Когда началась фашистская блокада города, бабушка отправила шестилетнего сына со своей мамой последним эшелонам в Куйбышевскую область, а сама осталась в осаждённом Ленинграде. Она продолжала работать в госпитале и ухаживать за тяжелоранеными бойцами, которых сотнями привозили с передовой. Город постоянно бомбили фашисты, раненых надо было прятать в бомбоубежища, и санитары носили раненых на себе.

Особенно тяжело было зимой 1941 - 42 года, когда запасы продовольствия иссякли, и настал страшный голод. Морозы в эту зиму были до 40 градусов, не было топлива, замёрзли водопроводные трубы, воду приходилось брать из Невы. От дистрофии и холода люди умирали тысячами. Но жители Ленинграда не сдавались. Они продолжали трудиться - работали административные учреждения, типографии, поликлиники, детские сады, театры, публичная библиотека. Моя бабушка тоже продолжала работать в госпитале, ухаживала за ранеными и больными.

Работникам госпиталя оказывали помощь санитарные дружины. Санруженики подбирали людей на улице и отвозили в госпиталь, ходили по домам ухаживать за больными. Служба в сандружине была тяжёлой. Кроме медицинской помощи, приходилось ломать деревянные дома на дрова, на Неве колоть лёд и отвозить в госпиталь.

Сколько могла, моя прапрабабушка Антонина Николаевна работала в блокадном городе и помогала людям, но в июле 1942 года бабушка заболела цингой, и её эвакуировали из Ленинграда в Куйбышевскую область, где она встретилась с семьей.

В стихотворении Анны Ахматовой «Клятва», которое она написала в Ленинграде в самом начале войны, говорится о стойкости и мужестве русских женщин, таких как моя прапрабабушка:

И та, что сегодня прощается с милом,
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.

Мы будем всегда помнить о героизме наших предков – сильных, мужественных, непреклонных, и передавать память о них из поколения в поколения!

Баранникова Дария, ученица 3 Г класса
школы №6 им. М.В. Ломоносова
г.о. Самара

Мой прадед – ветеран

Мой прадед, лейтенант Злобин Анатолий Степанович, был командиром взвода управления батареи 76-миллиметровых пушек. Война для него началась раньше, чем 22 июня 1941 года. Он принимал участие в боях с Японией, начиная с августа 1938 года. В сентябре 1939 году он сражался на Халхин-Голе с японцами на границе Монголии и Маньчжоу-Го. 1 июля 1940 года был создан советский Дальневосточный фронт, где и проходила его дальнейшая служба. Японцы хотели захватить дальний восток России, после завоевания Монголии.

Советские войска оставались на северо-востоке Китая до мая 1946 года. Боевые действия на острове полностью закончились 5 сентября 1945 года. Официальное прекращение состояния войны между СССР и Японией произошло 12 декабря 1956 года, в день вступления в силу Московской декларации 1956 года.

Поскольку наш прадед был офицером, он вместе со своей семьей проживал в Улан-Баторе до 1957 года, где родились их с прабабушкой дети. Затем они переехали в Алма-Ату. Он не очень любил вспоминать военное время. Поэтому история нашей семьи складывалась из кусочков.

В 1989 году вышла книга воспоминаний о боях на Халхин-Голе. Там упоминается мой прадед: Злобин Анатолий Степанович.

Злобина Алиса, ученица 4 Г класса
школы № 6 им. М.В. Ломоносова г.о. Самара

Детство в запасной столице

Я посмотрела фильм «Дети военного времени». В этом фильме люди делились своими воспоминаниями о годах войны, когда они были ещё детьми. Мне больше всего запомнилось то, что икаюшки собирали картошки и все до единого отдавали в колхоз. Даже если совсем маленькие дети находили картошки, то не ели, а отдавали.

Дети были голодные, хлеба не хватало, но все равно каждую зеринку отдавали на фронт, бойцам.

Это значит, что даже самые маленькие дети приближали нашу победу.

Дитрова Варвара, 4 класс

«Мы будем всегда помнить о героях Великой Отечественной войны, о наших прадедушках и прабабушках, которые защищали страну от фашизма. Мы будем всегда помнить тех, кто подарил нам жизнь, детство и прекрасное завтра! Никто не забыт, ничто не забыто!»

Когда мне предложили принять участие в проекте «Живой музей», я сразу согласилась. Целью этого проекта является возможность донести до нас невыдуманные истории детей войны об их тяжёлом детстве и рассказать всю правду о Великой Отечественной войне. Все герои видеороликов наши земляки, жители Самарской области. Дети должны знать и помнить об этом героическом подвиге. Знать и уважать героев своего родного города, своей страны.

Ребята с удовольствием посмотрели видеоролики. И после просмотра поделились со мной своими чувствами. Ребята с огромным энтузиазмом рассказали о подвигах своих прадедушек и прабабушек, о тех славных днях, которые приближали Великую Победу.

Не зная или забывая великую историю, мы можем утратить национальное достоинство, национальную самобытность. Тот, кто не ценит культуру своей страны, не может уважать великие достижения других народов. Я думаю, что человек, воспитанный вне традиций собственной культуры, не имеет будущего, какую бы страну для проживания он не выбрал. Такой не может быть патриотом своей Родины, он равнодушен к её настоящему, его не заботит будущее.

Все должны помнить о том подвиге, который совершил наш народ и какой ценой. И в этом могут помочь данные видеозаписи.

Педагог начальных классов школы № 12
им. Героя Советского Союза Ф.М.Сафонова г.о. Самара
Корнеева Елена Петровна (1 Г класс)

Отечества достойный сын

Мой прадед, Муштаков Иван Андреевич, родился в 1912 году в селе Большое Фролово Буинского района Республики Татарстан. Как и большинство детей советских времён, он целые дни проводил с товарищами на улице, играя в игры, которые дошли и до наших дней. Думал ли он, когда играл с деревенскими ребятами в «войнушку» или в казаков и разбойников, что ему придётся управлять настоящим танком, брать в настоящий плен противников, сбивать самолёты и убивать людей?

Мой прадед участвовал в войне, которая носит название Великой Отечественной. Он ушёл на войну в 1941 году, был взят в разведку, воевал на Курской дуге, получил награды – это то, что рассказали о нём мои родные. Практически ничего больше они от него узнать не смогли: мой прадедушка не хотел, не мог вспомнить то страшное время ожесточённых боёв и голодного существования. Он старался забыть те годы как страшный сон и снова жить, как раньше, мирно, в своём тёплом доме с женой и детьми. Расспросы семьи о войне заставляли его вновь переживать то, что однажды заставила пережить испытательница судеб. Война, словно чёрная, покрытая пылью окопов и залепанная комьями сырой земли, с торчащими из-под редких перьев мослаками птица, пронеслась над домами жителей нашей страны и коснулась их своим окровавленным крылом. Кто-то вспоминал войну, рассказывал о ней своим детям и внукам и радовался, что она наконец закончилась. А кто-то, как и мой прадедушка, пытался даже не думать о том, что их мирная жизнь была когда-то прервана грохотом орудий, унёсшим миллионы человеческих жизней.

Благодаря таким, как мой прадед, я живу в мирное время, когда человечество может развиваться немислимыми темпами. Сейчас я с лёгкостью могу найти информацию, которая мне требуется. Так, я смогла узнать больше о своём прадеде. Он был не только разведчиком, но и танкистом. На танке он дошёл до Германии, получил медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Освободил лагерь военнопленных до 10 тыс. человек, за что был награждён орденом Красной звезды. Отбил атаку немцев, участвовал в освобождении деревень Ягодная, Мелехово, населенного пункта Медведки и получил медаль «За отвагу». 19 Марта 1945 года, когда его танк засел в болоте, а командир танка был убит, он смело взял командование на себя. Под пулемётным огнём и огнём снайперов он с экипажем вымостил дорожку для танка и своими силами вытянул свой и другие танки. В боях под Бресеном танк прадедушки подвёхал к аэродрому противника и тремя снарядами уничтожил два немецких истребителя. На боевом счету его экипажа два противотанковых орудия, две миномётные батареи и до двадцати гитлеровцев. За проявленное мужество и отвагу он был удостоен ордена Красного знамени. Когда я читала записи из наградных листов моего прадедушки, в моей душе возникло чувство невероятной гордости за свою семью, за своё Отечество и за его преданных сынов!

Авдеева Пелагея, ученица 10 Г класса
школы № 6 им. М.В.Ломоносова г.о. Самара

МБОУ ШКОЛА № 81 ИМ.В.Н.ЖАЛНИНА

«ДЕТСТВО ЗАПАСНОЙ СТОЛИЦЫ»

Посмотрев фильм о жизни детей в военное время, я поняла, какие трудности и ужасы войны пережили дети. Лионеры Куйбышевца помогали госпитальным, собирали дрова, лекарственные растения. Так же дети помогали эвакуированным и престарелым людям. За годы войны в Куйбышевскую область было привезено юных ленинградцев – 3204 человек. Дети трудились и на полях области – занимались пропашкой, собирали овощи и продукты животноводства. На первом Вульгад скрашен Вклад пионеров в победу, но и их труд, их желание помочь Родине, своим родителям, сражавшимся на фронте и в тылу, приблизили великий день – 9 мая 1945 г.

Работу выполнила
Спицина Полина 4Г

Проект «Живой музей: детство в запасной столице» - поистине уникальная возможность познакомить подрастающее поколение с легендарными людьми - детьми войны. У героев проекта разные судьбы, но всех их объединяет общая трагедия, невосполнимая потеря прекрасного мира детства. В годы войны каждый из них совершил свой подвиг. Участники проекта щедро делятся с нами своими детскими воспоминаниями. С дрожью в голосе рассказывают о том, как, несмотря на голод и страх, продолжали учиться, отправляли посылки на фронт, помогали раненым, как работали наравне со взрослыми, тяжким трудом приближая победу. «Всё для фронта! Всё для победы!» - этот лозунг военного времени требовал огромной работы, полной отдачи сил от каждого. Тяжёлой ношей легли на детские плечи заботы трудового фронта.

Сегодня дети войны последние свидетели трагических дней. Спасибо им за то, что они поделились с нами своими горестными воспоминаниями далёкого военного детства. Конечно, очень непросто вспоминать о пережитом, но нам, современным гражданам, очень важно осмыслить уроки Великой Отечественной войны, получить тот бесценный героический опыт, который приобрёл народ в ходе тех ужасных лет. Только память народа связывает прошлое с будущим. Вспоминая события минувших лет, слушая свидетельства людей, переживших войну в детском возрасте, начинаешь осознавать меру добра и высокой нравственности, которая была присуща русским людям. Это олицетворение народного характера, мужества, выносливости, человечности и отзывчивости к чужому горю.

Учащиеся с трепетом слушали воспоминания ветеранов, а после просмотра видео делились своими впечатлениями. Уверена, что знакомство с героями проекта не пройдёт бесследно, а на долгие годы останется в юных сердцах детей. Ведь если мы сейчас позаботимся о воспитании подрастающего поколения, внедряя аналогичные проекты, то можно быть уверенными, что наше будущее в надёжных руках. Независимо от того, в каком формате проводятся встречи с ветеранами войны они всегда востребованы, формируют гражданско- патриотические качества личности, учат детей милосердию, уважительному отношению к людям!

Рудакова Татьяна Владимировна,
заведующий детской библиотекой № 12 филиалом МБУК г.о. Самара «ЦСДБ»

Желаю крепкого здоровья всем авторам проекта «Живой музей: детство в запасной столице!». Очень понравились и учащимся, и педагогам видеосюжеты, в которых дети военного времени искренне, с большим трепетом рассказали нам о трудном, голодном военном детстве куйбышевцев.

Многие важные воспоминания и моменты истории, к сожалению, «уходят» вместе с людьми и теряются во всемирной истории. На мировой арене появляются новые действующие лица, манипулирующие сознанием нашего народа, его потерями, его памятью, его верой, прививая юным детским душам, неокрепшему сознанию ложные ценности и субъективную оценку тех событий.

Знакомство детей с материалами проекта - замечательная идея, попытка не потерять очередное поколение. Ведь войну выигрывают не генералы, не политики, а войну выигрывает дух народа, его любовь к жизни. А духу патриотизма героев всех видеороликов можно позавидовать! Все воспоминания жизнеутверждающие и внушающие надежду! Спасибо за общение с замечательными людьми!

Заведующий библиотекой школы №6
им. М. В. Ломоносова г.о. Самара
Денисова Елена Витальевна

ОТЗЫВ.

Когда я смотрела фильм о детях военного времени, то мне страшно подумать, что всё это происходило на самом деле и что это могло произойти и со мной. Больше всего оставила след в моей памяти девочка по имени Таня, которая была девочкой о потере своих близких для себя людей. Меня поразило то, что она несмотря на такую сложную и раннюю для сердца и души ситуацию, всё это записывала. А бы не смогли в этом случае это записывать, потому что я не могу справиться с потерей, ведь ещё так много хочется провести времени рядом с близким человеком. На мой взгляд Таня была очень сильной душой!

Абрамянова Диана
4, 7 класс

Хочу поделиться своими впечатлениями от просмотренного видео из альманаха «Живой альбом: детство в запасной столице». Героиня этого видеоролика Бельская Роза Павловна. Её рассказ был о том периоде жизни, который многое определил и стал самым важным и значимым – о войне, о тяжёлой работе на заводе, в тылу. А была она совсем ребёнком. Ей было всего 12 лет. И рассказ этот простой, искренний. И страшный той правдой жизни, которую ей, как и многим её сверстникам, пришлось пережить. Слушаешь и не перестаёшь удивляться: какая непосильная ноша легла на хрупкие детские плечи!

Рассказ этой женщины - это воспоминания не напоказ, а просто искреннее желание поделиться с нами своими переживаниями и горем. Я очень рада, что заочно познакомилась с Розой Павловной и узнала новые подробности того страшного времени.

Педагог начальных классов школы № 6
им. М.В.Ломоносова г.о. Самара
Григорьевских Елена Сергеевна (4 Г)

БЛАГОДАРИМ ЗА УЧАСТИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА

Главу администрации Ленинского
внутригородского района г.о. Самара
Бондаренко Елену Юрьевну

Совет ветеранов Ленинского внутригородского
района г.о. Самара, председатель
Дубаева Лидии Пантелеевна

Музей Эльдара Рязанова г. Самара

Директора ГБПОУ «Самарский
энергетический колледж» г.о. Самара
Смагину Ольгу Александровну

Директоров и преподавателей
МБОУ школ № 6, 70 и 81 г. о. Самара

Музей истории куйбышевской железной дороги
ОАО «Российские железные дороги»,
директор **Менчук Юрий Васильевич**

Ведущего специалиста по работе с молодежью
отдела развития творческих проектов
и молодежной политики Самарского
государственного университета культуры
Трифонова Ивана Юрьевича

Педагога - организатора Центра социализации
молодежи Самарской области
Гранитову Раису Захаровну

Заведующую детской библиотекой № 12,
филиала МБУК г.о. Самара «ЦСДБ»
Рудакову Татьяну Владимировну

Члена областного комитета Союза Ветеранов
России **Хартукова Юрия Федоровича**

Председателя Самарской областная
общественной организации
ветеранов Военно-Морского и Речного флота
Логинова Сергея Николаевича

Совет ветеранов УФСБ России
и зам. гл. редактора газеты
«Самарские чекисты»
Ерофееву Ольгу Александровну

Генерального директора
АО «Гипровостокнефть»
Теплякова Федора Николаевича
и начальника отдела внешних коммуникаций
и развития бизнеса института
Прончук Елену Валентиновну

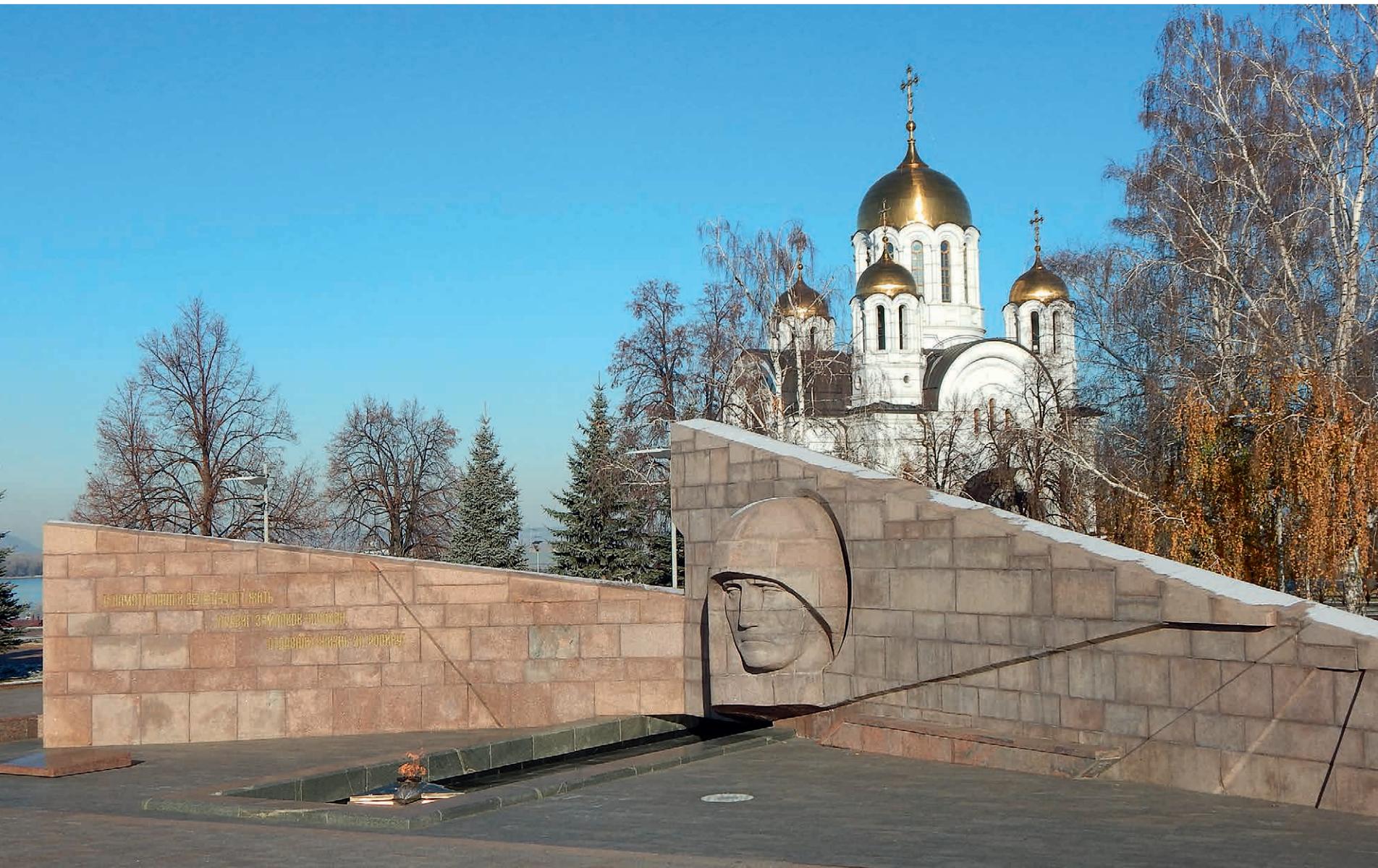
Директора Самарского областного
Историко- краеведческого музея им П.В. Алабина
Лисейчева Владимира Николаевича

Директора филиала «Самарский» ПАО «Т Плюс»
Гришатова Александра Алексеевича

Издание подготовлено в рамках проекта «Все для фронта! Все для Победы!»
Средства на осуществление проекта выделены Фондом Президентских грантов г. Москва.

Составители: Лебедев А.Ф., Курапова Н.И.

Подписано в печать 20.11.20 г. Заказ № 555. Тираж 400 экз.
Отпечатано РПБ «Эффект», Самара, ул. Ерошевского, 3, оф. 302 www.fffprint.ru

CAMAPA 2020